

Ветер
моих

фантазий

Книга 2

Елена Светельская

16+

Елена Свительская

Ветер моих фантазий. Книга 2

«Автор»

2021

Свительская Е. Ю.

Ветер моих фантазий. Книга 2 / Е. Ю. Свительская — «Автор»,
2021

ISBN 978-5-532-98043-3

Наконец-то у молодой писательницы появилась личная жизнь. Или, всё-таки, нет?.. Этот парень, неожиданно свалившийся на неё, ни на кого не похож. С ним поладить сложно. Вот только книга о бездушном кианине из давно погибшей цивилизации продолжает преследовать написавшую её. События как-то перетекают в реальность. Снятся странные сны. Жизнь девушки охватывает хаос. Книга об исчезнувшей цивилизации... как же с тобой связана сама Саша?..

ISBN 978-5-532-98043-3

© Свительская Е. Ю., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 12	5
«Последний влюблённый» – отрывок 13	15
И снова тихие будни	22
«Последний влюблённый» – отрывок 14	25
И снова тихие будни	43
Инъэй-но Кэйдзи («Откровения Тени») – 12	53
Глава 13	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Елена Свительская

Ветер моих фантазий. Книга 2

Глава 12

Наконец-то мы добрались до нашей цели. Здания Смольного собора нависли над нами, белые с синими полосами, нежные, словно торт в окружении пирожных.

– Высокоо, – протянул Ки Ра.

– Пятьдесят метров на смотровой площадке! – злорадно доложила Лера.

Но ей назло кореец бодро сказал:

– О как интересный! – и первым пошёл к зданию, где можно было купить билет наверх.

Мы двинулись следом.

Как ни странно, большая драка и повышенное внимание к нам от русской милиции настроения корейца не испортили. Он до нас добежал до служащей, продававшей билеты – то ли уже приходил, то ли предварительно основательно пошуршал интернетом – и жизнерадостно осведомился, отвлекая нас от созерцания огромного синего занавеса, скрывавшего внутренность самого собора, в которой временами проводились концерты классической музыки, и заглянуть за который тоже можно было только платно:

– Студенту бесплатно?

Причём, на чистом русском спросил. У, халявщик!

Кассирша строго на него посмотрела.

– Я знаю русский язык! – бодро добавил Ки Ра.

Он эти фразы вызубрил? Или нарочно коротко говорит, чтобы меньше ошибаться?

– Перед небом все равны, – строго заметила кассирша. – С вас сто рублей.

Вздыхнув тяжко, словно нищий, у которого забирали последнюю копейку, парень, ещё недавно хваставшийся богатым папашей, полез за кошельком в карман джинсов. Или это он перед нами так выпендривается? Шутки у него часто стрёмные. Хотя тут уже служащая его за пояс заткнула.

И вот наконец мы все купили билеты. И начали восхождение.

Прошли к другой двери. Вошли на лестницу. Квадратную, с белыми ступеньками. И квадратной дырой посередине. Пока поднимались, прошли несколько огромных окон. Сфотографировались. Благо, что Акира заплатил за один фотоаппарат. Так что мы теперь его мобильник радостно эксплуатировали: он обещал, что перешлёт фото в ближайшие дни. И постоянно мы с Лерой уточняли, не забыл ли вспышку отключить. Точнее, я в основном.

Лестница тянулась долго. Я уже запыхалась. И мне уже стало мрачновато смотреть в дырищу между перил. Акира и Ки Ра шли бодро. Даже при том, что недавно в драке намахались и налягались. Вот Виталий стал дышать подозрительно шумно.

Только Ки Ра мог спросить так прямо и так невозмутимо:

– Большой?

Русский парень только отмахнулся.

Следом за светлой, квадратной лестницей наступил потолок и...

И войдя внутрь помещения, находящегося над потолком собора, я потрясённо присвистнула. Здесь было тусклое освещение немногочисленных ламп. Стены и пол, выложенные тусклым, красным кирпичом. Да ещё и во многих местах старинные проходы были решёткой огорожены. Высокой и чёрной. Ничего себе! Мы вошли на чердак бывшего собора, а теперь как будто совсем в другом месте оказались, в тюремном подземелье! Тут ещё и прохладно, что добавляет этому месту атмосферности.

Следом за нестандартным чердаком не отремонтированного храма, лишь полуприкрытым от назойливых носов туристов и неуёмных русских хулиганов, мы преодолели ещё одну дверь и...

Э?..

– Не полезу!!! – отчаянно ахнула Лера, увидев тонкую и металлическую лесенку, гармошкой уходящую наверх.

Каменные винтовые лестницы были основательно прикрыты решётками и предупреждениями, что та часть здания вполне себе уже осыпается, чтобы у ещё большего числа любопытных носов отбить желание туда лезть.

А наверху кто-то спускался с лестницы. И мы вдруг обнаружили, что она ещё и дрожит.

– Нет! – ахнула Лера, едва не плача.

Конечно, там некоторые пролёты были завешены металлической сеткой, но сорваться с лестницы и проверять их прочность нам всем как-то не хотелось. Да и металлическая лесенка, подрагивавшая под ногами немецких туристов, тоже внушала опасения.

– Я тебя поцелую, – бодро предложил Ки Ра, подходя к ней, – для храбрости.

Не знаю, где он эту фразу подсмотрел и доучил, но на девушку она оказала воистину магическое влияние. Едва дождавшись, когда спустится последний турист, она первой метнулась на лестницу. Только взметнулись рыжие волосы.

– Смелый русский девушка! – вскричал одобрительно наш иностранец.

– Заткнись! – пролетело сверху.

На втором или третьем пролёте Лера уже шла медленно. И руки её, сжимающие перила, ощутимо дрожали.

Ки Ра быстро взлетел наверх, до неё, расшатав лестницу ещё больше и вызвав поток визгов.

– Смелый девушка! – радостно крикнул пакостник. – Я тебя хватать буду! Падай спокойно!

– Д-дайкирай!!! – проорала несчастная.

– Аригатоо! – бодро ответил насмешник.

– Лер, не волнуйся! – прокричал снизу Виталий. – Я тебя, если что, отсюда подхвачу!

Но, впрочем, та относительно быстро одолела страшную лестницу, подгоняемая присутствием Ки Ра, двигавшегося следом. И едва не наступавшего ей на пятки.

Акира вздохнул.

– Как кошка с собакой, – заметила я.

– Как собака с обезьяной, – усмехнулся японец.

Дождавшись, пока эти двое скроются наверху, мы ринулись их спасать друг от друга. А то мало ли! Неизвестно, чего эти двое учудят, если оставить их наедине надолго.

Правда, стоило мне всего ничего пройти по третьему уровню, как мне уже самой поплохело. То эти развалины вроде темницы, коварно притаившиеся за потолком собора, то эта шаткая, подозрительная лестница...

Акира, шедший за мной, успокаивающе сжал моё плечо.

– Подхватишь? – спросила, обернувшись и улыбнувшись, не сильно надеясь на понимание.

– Подхвачу, – улыбнулся молодой иностранец.

Всё-таки, русский язык он знает намного лучше корейца. Но...

Я застыла, смотря в эти карие глаза. И у меня снова появилось странное чувство, что всё это уже когда-то было. Шаткие лестницы. Развалины. Темнеющее нутро обвалившегося местами здания. Он и я. Только... только что-то в его глазах меня смущало. Я никак не могла понять, что. Но тёплый взгляд тёмных глаз, чуть сощурившихся, но не насмешливо, а чтобы чётче видеть моё лицо... он меня завораживал.

– Увы, перекусить нам тут не дадут, – заметил Виталий, чуть погодя. – Кстати, там кто-то ругается на нас на французском снизу.

– А ты знаешь французский? – растерянно взгляд на друга перевела.

– Я... – тот, выглядывавший из-за японца, ошутимо смутился. – Я так... на слух. У них такая певучая, мягкая речь. Ну, как бы... сложно спутать с английским или немецким. По-разному звучат. Ну... пойдём?..

Вздыхнув, я пошла вверх. Но, впрочем, так даже было лучше. На Акиру глаз положила моя подруга. Мне повторять совсем некстати. Она ж так мечтала увидеть какую-нибудь няшку живую и удушить в своих пламенных объятиях. А Акира в целом под образ няшки более-менее подходил. Хотя, впрочем, у него было умеренно красивое лицо, без чрезмерной приторности, когда уже совсем не различаешь, вот это творение пластических хирургов – мужчина это или женщина?

Наконец эта адская лестница закончилась – и мы вышли на смотровую площадку. Из громкоговорителя как раз объявили, что она находится на высоте пятидесяти метров. Яглянула на мелкие дома, почти все будто склонившиеся к ногам величественного Смольного собора.

А ещё нам в лицо плеснул прохладный ветер. Пёстрая листва, которая ещё уцелела, расцвечивала улицы сочными мазками. Улицы... вроде совсем знакомые, но какие-то совсем уже другие, если смотреть с высоты. У меня дух захватило на сей раз уже от красоты окружающего мира. Мой город... рядом с этими иностранцами я смогла увидеть мой родной город с новой и пока ещё непривычной стороны!

– Там вторая площадка есть! – бодро доложил кореец. – Проход с того мрачной комнаты.

Леру передёрнуло от мысли, что её могут заставить пользоваться этими жуткими лестницами ещё трижды.

Да, собственно она и не пошла туда. Мы, нафоткавшись, решили ещё слазить. А Лера торопливо пошла обратно на квадратную каменную, устойчивую и умиротворяюще светлую лестницу, дожидаться нас.

После простора, открывшегося с высоты, мрачное промежуточное помещение ошутимо угнетало. И дважды шаткие металлические лесенки-гармошки, чтобы дойти до второй смотровой площадки. А вот там мы ошутимо зависли. И послушать, чего говорят из динамиков, и на город полюбоваться. Да и... хватит ли сил снова прийти, чтобы опять воспользоваться этими жуткими лестницами?

И, видимо, на второй смотровой площадке мы ошутимо зависли, залюбовавшись и начисто забыв о времени. Будто в другую реальность выпали, замороженные видом с высоты.

И Лера неожиданно нарисовалась за нами, встревоженная. И матом нас приложила, трёхэтажным, обнаружив, что все четверо живы и невредимы. Пыткам её подвергли, несчастную.

Я, устав слушать эти слова, которые ей совсем не шли, обняла её. И подружница расплакалась, напуганная, но решившаяся снова преодолеть мучительный путь, чтобы проверить, в порядке ли мы. А она у нас, оказывается, добрая, милая моя Ле Рун Чик.

Ки Ра тоже потянулся нас обнять и едва уклонился. Едва в глаз не получил. Отшатнувшись, налетел на перила. А те вдруг подозрительно затрещали.

– Ки Ра! – отчаянно вскричала Лера, кидаясь к нему.

А перила тут как раз взяли и отломались. И они оба с воплями покатались по крыше, немного покатою, металлической и, кажется, скользкой.

Девушка свалилась за край первой, прежде чем мы успели спохватиться. А Ки Ра, падая, умудрился зацепить край металла, кажется, кольцом колючим. И повис, вцепившись в край. С той стороны.

Я потерянно села на пол площадки. Акира рванулся было к дыре, но Виталий его перехватил. Японец отчаянно кричал, вырываясь. Русский ему отвесил затрещину, после которой он потерянно затих...

Девушка свалилась за край первой, прежде чем мы успели спохватиться. А Ки Ра, падая, умудрился зацепить край металла, кажется, кольцом колючим. И повис, вцепившись в край. С той стороны.

– Кроссовок держись! – долетело до нас злое.

– Н-не могу...

Мы потрясённо посмотрели на край крыши. Кореец упрямый всё ещё держался, но тот голос...

– Не шнурки!!! – провыл Ки Ра. – Развяжи – упадёшь!

Она... она не упала?!

Мучительные мгновения тишины. Мы отчаянно смотрели на пальцы, сжавшиеся с краю крыши.

Снизу закричали.

– Скорую! – встрепенулся Виталий. – Надо скорую позвать!

– Другой машина! – возмутился Акира, от волнения позабыв свои знания.

– А, да... пожарная! – сообразил русский и, убрав одну руку с плеч его, дрожащими пальцами потянулся за мобильник.

– Не убегу, – мрачно сказал иностранец.

Тогда Лий его совсем отпустил. И Акира сам стал куда-то звонить.

А я... позорно признаться, но... я просто потерянно сидела, едва живая от ужаса. В боку колело. Но это позже заметила.

Потом был жуткий треск, кажется, ткани разрываемой, снизу. Взвизг девичий.

Я запоздало начала читать «Отче наш». Ничего другого в голову не пришло. Просто... ну, что я ещё могла сделать?..

Снизу донёсся хохот. Мне захотелось догнать того водителя автобуса, отобрать огнетушитель и запустить по чьей-то дурной голове. Или струёю в морду. Особенно, если она ядовитая.

– Э-эй!!! – взвыл Ки Ра висевший.

Но вроде не злобно. Как-то... смущённо?..

Жуткие мгновения тишины. Жуткое ожидание. Сердце замирает, измученное. Кажется, моё дыхание сейчас оборвётся, прежде них. То слова молитвы, то робкий взгляд на пальцы, упрямо держащиеся за край крыши. Разодранные, вот, сбоку кровь капает.

– Поскользнутся! – испуганно заметил Акира.

Виталий его пнул по ноге. Но не сильно.

– Не каркай! – и уже тише добавил: – То есть...

– Я понял, – кивнул тот.

А рука упорно держалась. Бедный! Мало того, что сам с трудом держится, так на нём ещё и Лера висит.

– Вывих будет, – вздохнул Акира.

А Виталий метался по площадке туда-сюда, отчаянно о чём-то раздумывая. Раз рванулся было к перилам отломанным, но японец его успел схватить.

– Я смогу! – взвыл парень. – Отпусти! Они же... они сейчас...

Но, к счастью, иностранец его крепко держал.

Из громкоговорителя с опозданием донеслось:

– Оставшиеся на площадке, не двигайтесь! Пожарная вот-вот приедет.

– А вот вы можете упасть, – голос уже мужской, хриплый и строгий.

– Спасибо, но я это не хотеть! – пробурчал из-под крыши несчастный Ки Ра.

– То есть, я имел в виду, что молодёжь с площадки сама может навернуться и разбиться, если на крышу полезет за вами, – голос мужской из громкоговорителя заметно смутился. – Тем более, что от их веса крыша скорее может обломиться. То есть...

– Я согласен:дохнуть лучше одиночку! – уныло отозвался наш несчастный юморист, тут же взвыл. – Ксо! Зачем ты так держаться?!

– П-п-прости! – отчаянно провыла снизу, но недалеко где-то, Лера.

Они ещё живые! Оба! Но... надолго ли хватит сил в руке несчастного корейца и крепости в крыше, за которую цепляются уже двое молодых людей?! О, только бы пожарная скорее приехала! О, только бы они успели! Только бы сегодня не было пробок!

И мучительные мгновения ожидания, словно на дыбе конечности вытягивавшие наши нервы. Упадут или успеют?.. Упадут или успеют?..

И Ки Ра уже молчал, кажется, совсем уже измученный удерживаясь. Даже он перестал пытаться пошутить. И сотрудники, следившие за нами через камеры, примолкли. Не знаю, они как мы молились?

О, Боже, только бы мои друзья остались живы! Только бы на дороге не было пробок!

Тишина, нарушенная подозрительным шумком с улицы. Взгляды наши, притянутые к побелевшим пальцам, цепляющимся за край крыши. Медленно, очень медленно бьётся сердце. Словно оно пытается остановиться прежде других. Вместо других пытается остановиться.

Только бы он удержался! Только бы у Ки Ра хватило сил! Я не знаю, что со мной будет, если я увижу их размазанными по асфальту, в неестественной позе!

Только бы...

Нет, не о себе надо думать! Надо думать о них! Молиться о них! Боже, почему я такая беспомощная?! Боже, спаси их! Только бы пожарные успели!

– Я должен! – рванулся было Виталий к проломанным перилам.

И Акира отчаянно в него вцепился.

– Но я должен спасти их! – рванулся русский парень. – Я смогу...

– Арэкусандра! – отчаянно посмотрел на меня японец. – Крыша может не выдержать, если...

И я, подскочив, на боль в боку не взирая, вцепилась в левую ногу друга.

– Я должен! – рвался Виталий. – Пустите!

Но мы отчаянно держали его.

– Пустите!!! – он заплакал. – Она уже умерла! Они все уже умерли! Я не хочу, чтобы даже Лера...

Но мы отчаянно держали его. Хоть он и хотел ползти по крыше и пытаться вытащить их, но сотрудник прав: крыша может уже не выдержать веса двоих парней и девушки. Но если бы он всё-таки мог дотянуться до них... если бы он успел...

– Не смей! – сказала Акира жёстко. – Стоять!!!

– Стойте!!! – рявкнул из громкоговорителя опомнившийся сотрудник. – Крыша может не выдержать веса троих людей!

– Пожарная уже выехала! – голос уже женский взволнованный.

– Правда?! – обрадовался заметно сотрудник.

– Заткнись, – сказала ему женщина едва слышно.

Сердце на долгий миг перестало биться.

Так выехала ли пожарная уже или не выехала?..

– Н-е-е-е-т... – Виталий, рыдая, упал на колени.

Акира, придерживая его за руку, на всякий случай очень крепко, опустился рядом на одно колено. И грустно произнёс:

– Кто-то должен остаться жить.

– Я понимаю, что друзья скорее всего хотели именно этого, – я всхлипнула, – чтоб мы остались жить... но это... это... – носом шмыгнула. – А вдруг бы мы ещё могли?..

– Стойте! – глухо попросил японец. – Оставайтесь здесь! Хотя бы вы оставайтесь здесь! – опустил голову, пряди, ровно расчёсанные, заслонили глаза, в которых появились слёзы. – Я уже потерять несколько друзей...

И мы с Виталием смущённо замолкли, поняв, что молодому азиату тоже нелегко далось решение не вмешиваться и не пытаться вылезти на крышу. Но у него кто-то уже умер?.. Кто это мог быть?.. И столько эмоций внезапно случайно увидели от него, хотя он прежде казался таким спокойным. Он даже не на все шутки Ки Ра улыбался этим утром, смотрел на него как-то очень серьёзно.

Расплакалась.

Ки Ра... он столько шутил сегодня утром, куда мы шли! Даже после тех малолетних бандитов, которые хотели его избить или даже зарезать, или застрелить, просто за то, что им он, китаец, встретился на русской улице... мы прошли немного, а он стал шутить про мимо пролетевшую ворону. Он быстро стал шутить, отвлёк нас, хоть и не сразу. Потом мы наконец-то увидели крышу Смольного собора, смотрящего на нас между других домов и сверху других крыш... мы обрадовались, что наконец-то добрались до цели. Обрадовались, что мы всё-таки дошли досюда, но...

Но зачем мы сегодня пошли на Смольный собор?! Неужели, Ки Ра сегодня разобьётся и больше не будет шутить? Неужели, даже бедная Лера... я её больше теперь не увижу?..

Я заплакала совсем уж громко. Стало страшно совсем уж невыносимо.

Лера... Лера! Ле Рун Чик! Ты меня сегодня бросишь? Ты и Ки Ра меня оставите одну?..

– Заткнись ты! – проворчал неожиданно Виталий. – И так тошно.

Я потрясённо застыла, сражённая внезапной холодностью давнего друга. А Акира... внезапно робко похлопал меня по плечу. И, когда взгляд на него подняла, смущённо мне улыбнулся.

– Мне тоже больно, – сказал глухо японец.

И я, всхлипнув, кивнула. Что это я думаю только о себе?

Робко его погладила по руке. Он очень сильно смутился. Потупился. Но руку мою стал-кивать не стал. На миг, тишина и теплота протянулись где-то в душе или в сердце. А потом я увидела плотно сжатые губы русского парня – и снова сжалась от ужаса.

Боже, только бы пожарные успели! Только бы пробок не было у них на пути! Сохрани моих друзей, Боже! Сохрани! Я сама не могу! Я сама... ничего... не могу...

В этот крайне невезучий день нам однако же ещё и везло несказанно: пожарная сейчас успела приехать быстрее скорой. Пожарники помогли спуститься Лере и её спасителю. Нам вот помахал один из них с лестницы, поставленной возле побелевших пальцев и окровавленного края крыши. Но почему-то странно посмеиваясь. Почему они посмеивались?..

– Пойдёмте! – Виталий вскочил первым и метнулся на лестницу.

Шумно выдохнув и переглянувшись, мы с молодым японцем побежали за ним.

То есть, эта лестница...

– Медленно! – рявкнул Лий через плечо. – Спускайтесь медленно! – и уже в сторону пробурчал: – Ненавижу эту лестницу! Чёртовы лестницы...

Мы с трудом спустились по жуткой, шаткой лестнице, ожидая, что и она сейчас куда-нибудь проломится. Но... нет. Жуткий переход, словно темница. Да, впрочем, смотровая площадка стала нам вместо камеры пыток. Так, светлая, каменная, квадратная лестница. Большие окна, впускающие яркий свет, непривычный после полумрака переходного этапа. Ноги дрожат. Пальцы отчаянно цепляются в каменные перила. О, только бы не отвалились! Только бы...

Неожиданно кто-то подхватил мою руку. И чьи-то пальцы с моими переплелись. Голову повернув, растерянно обнаружила Акиру, стоявшего возле. Он меня держал за руку. И от прикосновения его тёплых пальцев, от его заботы мне стало немного полегче. Шумно дышащий Виталий побежал впереди, не выдержав тяжести ожидания.

– Не упади! – испуганно перегнулась через перила. – Эй!
Но он сумел благополучно спуститься.

На улице у собора люди окружили пожарную и скорую. Бодро перешёптывались, посмеивались.

Виталий, не выдержав, схватил кого-то за ворот:

– Чё ржёшь?!

Нам испуганно доложили.

Когда Ки Ра требовал у Леры не хвататься за шнурки, она попыталась уцепиться за другое. Уцепилась за джинсы. Не рассчитанные, что кто-то будет болтаться на них. Даже если такая девушка, не упитанная даже, а стройная. Ну, почти. Совсем-то на скелет Лера наша не походила. В общем, джинсы взяли и порвались – это их треск мы слышали. Да и пряжка ремня не выдержала. Как назло, Ки Ра тогда на рынке продешевил – и выбрал ремень с пряжкой алюминиевой, ради башки драконьей. Джинсы-то были стильные, особенно, кода видно было ширинку и сам узорчатый ремень. Но вот мерзкий алюминий лопнул. И мало того, что штанина лопнула и вниз поползла, так ещё и вместе с трусами. Как там Ки Ра при всём при этом извернулся, чтобы попытаться чуть подкинуть её – и ногой под блузу подхватил – одному Богу известно. Чудом и не назовёшь. Ну, или хвала Ки Ра, который не один год в тренажёрках отпахал и пропотел сколько-то тысяч раз.

– У обычного человека бы сил не хватило! – восторженно сказал пойманный Виталием свидетель.

– Может, он из цирка? – вставила серьёзно стоявшая рядом пенсионерка.

Короче, мы поняли, что женская блуза оказалась крепче мужских ремня и штанов. И эдак эти двое провисели, прилюдно, до приезда пожарников.

Шумно выдохнув, Виталий выпустил ворот заухмылявшегося свидетеля. Но Акира первый рванулся сквозь толпу, шумно дышащий.

Так что из машины скорой помощи Ки Ра вышел в дранных почти на всю длину штанах, медицинском пластыре, к шкуре приклеенным, чтоб наверняка, жирным таким пластырем, да для верности подвязавшийся толстовкой Акиры, будто набедренной повязкой. А то мало ли. Руку он нёс на перевязи. Свободной рукой, бинты на которой тоже окрасились кровью, легонько подтолкнул в спину Леру, к машине скорой помощи. И медсестра там с нею заперлась и врачом.

На наши вопросительные лица спаситель бодро улыбнулся и жизнерадостно соврал:

– Вывих. Жить буду.

Но глаза у него были красные, веки – опухшие от слёз. Кажется, с вывихом он там сильно округлил. Но вот, бодро улыбался свидетелям его подвига. Врал, что ничего. Что ему «укол вкатили – и не болит».

– У тебя хрен большой! – похлопал его по плечу какой-то бомж. – Не волнуйся.

Сначала парень недоумённо моргнул, не понимая, что это за странный жест поддержки. Потом вспомнил, как совершал подвиг, демонстрируя людям снизу самое сокровенное. И теперь лицо парня уже заметно перекосилось. Всё-таки, нервы у него были не каменные.

Акира торопливо встал между ним и людьми. Да и мы с Виталием тоже. Не то, чтобы сильная поддержка...

Из толпы кто-то передал кепку, оранжевую. Ки Ра мрачно на неё покосился, видимо, вспомнив о недавней драке. Но Акира, поблагодарив добросердечного дарителя, торопливо на друга шапку натянул, козырёк надвинув на лицо.

– Аригато, – сказал кореец из-под кепки хрипло. И голову ниже опустил.

Бомж побежал перебить все фотоаппараты, которые в толпе были. Люди торопливо зашуршали куртками и сумками, видимо, скрывая драгоценности.

– Да не было фотиков! – сказал какой-то заботливый мальчик.

То ли ложь во спасение применил, для запущенной ситуации, то ли... и правда люди там были добрые?..

Врач скорой предложил нам «до дома героя довести», когда уже Леру выпустили. Кажется, отделавшуюся одним только испугом. А, нет, морщится, не зная, куда деть руки. Кажется, тоже вывих. Но, впрочем, их двойной вес удерживала не она. И не подхвати её кореец наш вовремя – могла бы скорая и не успеть.

– Нет, – твёрдо сказал вдруг Ки Ра, – другим вы нужнее.

И прочь пошёл, не желая отнимать драгоценное время врачей.

И я запоздало поняла, что у этого дерзкого хама, оказывается, благородная душа.

Толпа расступилась, нас пропуская. Врач молодой ещё покричал, чтоб Ки Ра сегодня же сходил в травмпункт. Чтобы все-все обследования сделал. Парень пытался было поднять руку, видимо, в знак согласия, но чуть пошевелил. И застонал. Лера, шедшая следом, всхлипнула. Потом заплакала, то ли сочувственно, то ли от прожитого ужаса.

Ки Ра обернулся. И вдруг приобнял её за плечи рукой, кожу с которой содрал о край металлической крыши. Она ещё пуще разрыдалась, уткнувшись ему в плечо. Минут пятнадцать не просыхала. Или уже я округляю не в ту сторону?..

Потом мы коллективно провожали нашего героя до травмпункта в районе, где он снимал квартиру. На удивление, не центрального. Вместе сидели в очереди. Лера, не выдержав, пошла провоевать право добраться побыстрее. Долго рассказывала, что он ей жизнь спас, а сам пострадал. Эмоционально. И таки добилась. Протащила смущённого иностранца третьим. Мимо русских пенсионерок ни одна молодёжь не пройдёт, это люди средних лет и школьники со сломанными очками были намного добрее.

Потом мы до сумерек сидели на скамейке и вокруг неё – мы с Виталием не уместились, но не возражали примоститься на тротуаре – и тянули по очереди квас из двухлитровой банки. Не совсем алкоголь, но расслабляет. И как-то... как-то эдак дружно.

После Акира упросил Ки Ра пойти с ним в отель. Чтобы он за ним проследил. А то вдруг сознание потеряет? Вдруг ещё что? И я бурно идею поддержала, запоздало вспомнив, что у нашего друга ещё и больное сердце. Но этот гад, похоже, врачам умолчал. Или настоял не делать никакой драмы. И, хотя не было похоже, что у него будет сердечный приступ, всё-таки, не дело его оставлять одного. Рукою он, похоже, едва двигал. Ему ещё нужно будет покушать как-то и помыться. А Акира его поддержит.

Неделю мы спокойно не жили, с ужасом ожидая плохих вестей. На занятиях нам не сиделось. Но и днями целыми сидеть в номере у Акиры нам тоже было совестно. Так что мы злостно прогуливали куски лекций или целые дни, сваливая всё на моё недавнее ранение, мою дурноту последующую и что вот Лий и Лера за мной таскались, меня контролируя. Ну, и за Ки Ра, который прямо говоря спас Лере жизнь.

На третий день королева сплетников нас едва не удушила, раздираемая любопытством и противоречивыми сплетнями, словно пчёлами напуганными носившимися по коридорам университета и жалившими все любопытные и даже не очень любопытные носы. Но, впрочем, мы не кипели желанием спасти Кристину и её «слабое сердце», охочее до хлеба и зрелищ. Ну, до

ярких историй хотя бы. Свалили, что наш другой друг безвылазно следит за спасителем, и мы тоже в гости ходим. Но Кристину с собой брать отказались.

Лера вовремя припомнила, как случайно наткнулась на королеву сплетников, рассказывающую про неё гадости, типа «старой девой помрёт, швабра» и всё такое. Подруженица моя тогда ещё и вышла, попав на глаза сплетницам. Так что Лерунчик вовремя всё припомнила и вполне правдоподобно или даже натурально окрысилась на Кристину. Да и... нас всех мучил вопрос, не были ли те слишком ретивые хулиганы всего лишь пылкими воздыхателями самой королевы сплетников, посланными ею из мести?

Акира в основном и был около нашего спасителя. За шкуру к врачам таскал, на осмотр – мы сами эту душераздирающую сцену пару раз застали. И подсмотрел, что кореец как-то много таблеток хлопает. И, похоже, успешно допытал. Так что стал контролировать.

А во время, свободное от своей тюремной лечебной деятельности, эти двое мирно рисовали. Ки Ра его прямо тюремщиком обзывал и много как ещё. Удивлённая Лера, заставшая пару их споров, мне тайно доложила – и Виталию наверняка тоже – что наши иностранцы матерились на японском, корейском и китайском языках. Кажется, китайский Акира понимал не очень, что, впрочем, ругаться ему не мешало. И бдить, чтобы в ближайшие дни после подвига за героем был надлежащий присмотр и уход.

– Они нас не так понять! – выл как-то раз Ки Ра, застигнутый вместе со своим новым другом на месте преступления – кореец отчаянно цеплялся в дверцу холодильника, а японец его крепко обнимал со спины, к какому-то продукту отчаянно не пуская.

Просто они дверь забыли прикрыть, вернувшиеся то ли с прогулки, то ли с очередного врачебного осмотра. Про врачей, их гипотезы и попытки их парни оба мало всего говорили. Норм, поправляется – и всё, что обычно мы от них слышали по этому поводу.

Помимо упаковок от еды номер временами зарастал бесчисленным множеством смятых листов или рисунков. Карандаши, маркеры, даже палитра в двадцать четыре акварельных краски, альбомы, резинки, линейки, стаканы одноразовые с разноцветной водой, ещё плескавшейся или уже высохшей, оставив матовый слой краски на дне и части стенок... чем эти двое занимают свободное время, было сразу понятно.

Правда, я никак не могла понять, мог ли Ки Ра оказаться тем самым Бездушным, молодым художником, набирающим популярность в Дальней Азии?..

Потому что у Бездушного был уже более-менее сложившийся стиль, чёрно-белые картины, иногда с кровавыми примесями, мрачноватые. А эти два любителя рисования, вдруг нашедшие рай на земле, объединённые взаимной любовью к живописи, постоянно скупали и использовали разные материалы, пробовали разные техники. Плодили разные цветовые гаммы: ахроматическое сочетание цветов, родственные цвета, контрастные, оттенки цветов в схожей цветовой гамме – тёплые, холодные, нежные, броские, безумные, пёстрые, едва заметные, кажется, с любимой японцами блёклостью цветов... вон, у них даже в дорамах, если приглядеться, плёнка будто тускловатая, отчего и пейзажи, и костюмы актёров блёклых, спокойных обычно оттенков. Не то, что кадры корейских дорам, с сочным буйством цветов и оттенков! Ох, чего там только нам не попадалось меж их завалов! Которые, к счастью, нам не запрещали осматривать и складывать в стопочки. Манга, анимэшные зарисовки, полотна как у импрессионистов, пародии или подделки в стиле Ван Гога, сюрреализм, Венера, выступающая из пены морской – хотя и отчётливо азиатской внешности и умеренно пышной фигуры... короче, этих двоих понесло. И серьёзно. Номер Акиры превратился в кладовые едва ли не Эрмитажа.

Мы с Лерой на всякий случай повадились их навещать по вечерам – и таскать еды. Чтоб они там вдруг с голода не загнулись, увлечённые. Сухим пайком и сосисками нас снабжал Виталий, единственный работающий из нашего старого состава чудиков и оторванных от мира

сего. Но, впрочем, эти двое художников отжигали и улетали в миры иные не хуже нашего. Кажется, все творцы искусства одинаковые. Ну, хотя бы временами страдающие схожим приступом безумия, который называется вдохновением.

Парни, кстати, ощутило похудели и побледнели. Особенно, к концу первой недели. Но глаза у обоих были счастливые, частенько – в обрамлении разноцветного макияжа сочной гуаши, нежных акварельных разводов или нежных росчерков сухой пастели. Руки не менее заляпанные. Или более.

Хотя как-то мы обнаружили сонного корейца, которому явно намеренно маркером чёрным глазки анимэшные открытые нарисовали сверху на веках. Было заметно, когда он носом клевал. Ага, и усы кошачьи – три слева, четыре справа. И нос собачий вроде, но не полностью дорисованный. Впрочем, Акира был живой, хотя и взлохмаченный выше обычного. Всё-таки, он почти всегда был причёсанный и в одежде выглаженной. На следующее утро мы обнаружили уже нашего японца с няшной пухлой курочкой синего цвета, нарисованной на правой щеке. Значит, наш кореец отыгрался. И вообще, у них там взаимная любовь. К рисованию.

На восьмой день после подвига Ки Ра, совмещённого с масштабной акцией стриптиза... хотя в новостях его торс и ноги до колен усиленно затемнили, так что сразу и не поймёшь, в каком состоянии подвиг спасения был совершён.

Короче, на восьмой день наблюдения за чужим творческим безумием, мои заплутавшие где-то музы, никак изменявшие мне с моими новыми друзьями, наконец-то вернулись ко мне. И меня прорвало...

«Последний влюблённый» – отрывок 13

Город, залитый солнечным светом, напоминал россыпь диковинных кристаллов, из родительской коробки. Будто отец наконец-то залез к верхней кладовой, вытащил тот самый, заветный, нераспечатанный ящик, подошёл к рабочему столу и высыпал его содержимое – разноцветные кристаллы всевозможных форм и составов – на блестящую поверхность стола. И под ярким светом ламп они заблестели разными гранями. И те из них, что просвечивали, явили скрытую свою глубину. Она завораживала... в неё можно было вглядываться вечно...

– Красиво, правда? – восторженно спросил Кристанран.

Впрочем, если по правде, не вид родного города со стороны гор так взволновал и восхищал его, а возможность в первый раз поделиться с кем-то этим видом, этой красотой. Дарить красоту другим порою ещё более приятно, чем наслаждаться ею одному. А Кри Та Ран этого пейзажа пока ещё не видел.

Мальчики какое-то время молча любовались городом. Точнее, любовался Кристанран. А Кри Та Ран только изображал интерес. Ведь кианины сами не испытывают никаких чувств. Только притворяются. Хотя было что-то странное между этими двумя. И кианин вот уже два месяца упорно пытался понять, что же это за ощущения были у него тогда, когда он впервые увидел названного брата, когда тот очнулся в первый и второй раз? Пытался понять и не понимал. И та боль внутри...

Теперь дядя и тётя Кристанрана жили вместе с детьми, создавая ощущение семьи. Даже в том же самом доме, где их племянник родился и рос, к которому он уже привык, чтобы не волновать его ещё больше сменой обстановки и переездом на другую планету.

И, кстати, как учёные, Каньян и Хритар получили себе крайне неудобное место жительства, многолюдное, сложное для полётов и использования излучения, с ограниченным местным управлением составом искусственных и природных веществ, которые допустимо хранить дома – поэтому, собственно, родители Криса так часто пребывали в лабораториях и космических исследовательских станциях вне дома.

Но племянник и без того домашний ребёнок, к чему его ещё тащить на малоосвоенную колониями планету, где основными собеседниками у него будут роботы и кианины?

Словом, пара учёных временно перебралась жить обратно к людям.

И в чём-то даже искреннее старались вести себя, как одна небольшая, но дружная семья. Чтобы отогреть сердце племянника, пережившего трагедию в таком юном возрасте. Он, сын тех, кто не занят был какими-то особо опасными разработками, кто не участвовал ни в дальних экспедициях, ни в битвах с иными цивилизациями, однако же был тем несчастным ребёнком, кто родителей потерял. Один из малочисленных сирот среди сверстников.

Каньян посодействовала, чтобы мальчиков приняли в особую школу, где училось много людей, да и преподаватели были преимущественно люди. Отвергла популярную идею с заменой школьного обучения вживлением особого имплантата, хранителя серьёзной базы данных. Да, сложно и нудно выучивать большие объёмы информации самостоятельно, пытаясь вбить их в собственную память. Тем более, что в том заведении не практиковали доверие выбора предметов самим ученикам. Что велели учить, то и учи.

Да, шли, долго шли споры, что ни к чему перегружать головы детей такой разносторонней информацией, что большая часть её им может никогда не пригодиться, что и без того есть личные компьютеры и роботы, кианины. И во многих учебных заведениях все или большую часть предметов для изучения дети могли выбрать сами, на свой вкус или в соответствии с планами о будущей профессии – у некоторых эти планы уже были.

Но Каньян упрямо стояла именно на том, чтобы мальчики учились в школе старинного образца. Хритар пытался сопротивляться. Кристанран даже рад был попробовать что-то новое, тем более, что ради учёбы надо было регулярно выбираться из дома. Дома, вызывавшего у него столько тоскливых воспоминаний и запутанных, противоречивых чувств. В те мгновения, когда рядом не оказывалось брата. Редкие мгновения, надо признать.

А Кри Та Рану было всё равно. Правда, он запомнил слова создателя, когда тот его якобы случайно у ванной комнаты встретил и чуть задержал. Объяснил, что щеголять своими обширными знаниями кианину ни к чему. Его же «из плена освободили» не так давно. Что он там мог изучить?! Тем более, в плену у нелюдей. Пусть притворяется как все обычные дети, может даже, приторожждённые. Сам пусть выберет предметы, по которым будет хорошо учиться, и те, по которым будет изображать непонимание и отвращение.

Словом, Каньян победила в поединке с супругом. И вот уже неделю мальчики посещали выбранную ею школу. Новые впечатления, общение с живыми детьми...

Кристанран даже начал отвлекаться от своих страданий. Приёмные родители радовались, слыша, как он обсуждает с кианином одноклассников, ребят из чужих групп, какую-то недавно услышанную информацию.

Впрочем, сегодня был выходной. И Кристанран вызвал названного брата прокатиться за город. Первый день, когда он решился сесть в железную птицу. Страшный день, ведь мальчик уже вспомнил день аварии, уже знал, что родителей не вернуть. Всего-то один совместный полёт, не сложившееся путешествие...

Но кианин был рядом, сжимал его руку своими тёплыми пальцами, сыпал вопросами о домах, о городе, пока их летающее средство вёл автопилот. Да и летели они невысоко, на высоте с два человеческих роста – Хритар выбил разрешение скользить почти у самой земли – и летели, кстати, медленно, короче, погибнуть в таком полёте было тяжело.

Конечно же, Каньян порывалась отправиться на прогулку с ними, но муж, обняв, увлёк её в сторонку и, спустя какое-то количество поцелуев шепнул, что надо бы мальчику уже приучаться справляться самому. Рано или поздно Кристанрану понадобится вновь воспользоваться железной птицей. Может, когда-нибудь он победит страх – и слетает на другую планету на космическом корабле. Да и рядом с ним всегда теперь будет «брат». Так что вроде бы этот полёт и будущие прогулки племянника должны были закончиться благополучно. Тем более, что Кри Та Ран из Китрит 66-1. И защитник, и лекарь, и много кто ещё, если понадобится.

– Очень красивый вид, – проговорил наконец человек, поворачиваясь к кианину.

Тот лишь улыбнулся. Просто изобразил улыбку. В этом не было ничего сложного, да и племянника создателя радовало «дружелюбие» кианина.

«Но что всё-таки за ощущения у меня были в наши первые встречи?» – опять задумался хианриа.

Будучи рядом с названным братом, он уже сколько-то новых ощущений испытал. Те не повторялись. Те первые. Но память о них была ещё жива. Их первый взгляд друг на друга... та страшная боль, когда Хритар уносил Кристанрана... почему?..

– О, кого я вижу! Голубки неразлучные!

Из-за обломка скалы выступил светловолосый мальчик. Подросток уже. И следом за ним – ещё трое. В одинаковых одеждах, с одинаковыми лицами. Правда, приглядевшись, Кри Та Ран заметил край тени из-за оставленного ими укрытия. Предположил, что там скрывается другой мальчик, с иным лицом, но в такой же одежде, как и эти трое. Сандиас и его кианины.

– Вы, наверное, и спите в одной кровати? – язвительно предположил появившийся. – Может... и нужду справляете вдвоём?

Кристанран вздохнул. Грустно покосился на своего спутника. Сандиас его уже достал. Этот сын главы местного Совета, сын одной из талантливейших учёных самого крупного из ближайших дарина учился в их школе, хотя и в другой группе, на более высокой ступени, как более старший по возрасту. Спокойно за собою своих кианинов таскал, хотя в данном учебном заведении таскать их в аудитории было запрещено. Но сыну таких влиятельных родителей перечить как-то боялись. Тем более, что он ничего страшного и не устроил. В драки не лез, учебный инвентарь не портил. Да, смотрел на одноклассников и других сверху вниз, язвил иногда. Но дальше этого у него не заходило.

Да и вообще, Сандиас не на все уроки-то и жаловал, пропадал местами где-то. Да детьми людьми не интересовался. Жил обособленно, странствовать любил со своими кианинами. Говорил, что уже и в другие галактики летал и даже с кем-то из иных цивилизаций даже общался лично. Голограммы-слепки с тех путешествий иногда рассматривал в перерывах, что-то тихо обсуждая со своими кианинами. Кажется, настоящие голограммы. Короче, с чего он вдруг заинтересовался двумя новенькими – вопрос сложный.

В первые встречи просто прошёл мимо. Хотя и посмотрел заинтересованно им вслед. Потом вроде отошёл подальше – и забыл. А на третий день стал подозрительно часто возникать у братьев на пути. Да подшучивать, как они часто ходят вдвоём, да мало общаются с другими детьми.

– Будто приклеенные.

Кристанран и его хианриа поначалу особого внимания на его шуточки не обращали. Ну, шутит старший и пусть шутит. Потом Кристанрана однообразие этих шуток стало даже злить. Кри Та Ран был спокоен или же изображал сочувствие к своему аини.

А сегодня Сандиас испортил красоту момента явлением своей физиономии.

– Я вот задумался... – насмешник руки скрестил на груди, а его одинаковые кианины выстроились полукругом у него за спиной, серьёзно смотря на встреченных. – А как-то вы похожи на аини и хианриа. Кианинам же велено повсюду таскаться за человеком, для помощи которому их сделали.

– Он мой брат! – сжал кулаки Кристанран. – Настоящий брат!

– Угу, не было никакого брата, но вдруг появился, – усмехнулся Сандиас. – Готовый.

– Он мой брат! – человек сорвался на крик. – Просто дядя не сразу узнал, что его сын смог выжить у Иных. А ты не знаешь – и не лезь!

– Ах, ты мне ещё и приказываешь? – помрачнел насмешник.

И к ним двинулся, смотря в глаза Кристанрану в упор, взгляда не отводя. А его кианины двинулись следом, всем своим видом сообщая, что если что – обязательно заступятся за своего хозяина.

И когда подросток уже подошёл, мальчик не выдержал, взгляд отвёл. И испуганно на брата покосился. Тот поспешно выступил вперёд, встал между ним и Сандиасом.

– Каждый хианриа за своего аини заступается, – улыбка насмешника стала ещё гаже. – Вот чем ты не кианин?

Кри Та Ран взгляд его и напор спокойно выдержал, ещё больше подозрения подростка укрепляя. Сандиас вдруг толкнул кианина в плечо, сильно. Тот, не ждавший, отшатнулся, но не упал, сохранил равновесие.

– Ловкий, – задумчиво сказал доставучий знакомый.

А Кри Та Ран обратно ступил. И... вдруг сам толкнул Сандиаса, кулаком в грудь. Тот упал в подставленные руки своего кианина. А другой из его хианриа выпрыгнул вперёд, выкидывая руку для удара. Кри Та Ран, впрочем, уклонился. И от удара второго свободного охранника тоже. И даже когда те двое кинулись на него одновременно, с двух сторон, уклонялся от их ударов свободно. А они били его быстро, вкладывая силу в удар. Били по-настоящему.

Кристанран застыл от ужаса. Он мог понять, что мальчик из школы смеётся над его близкой дружбой со сводным братом. Но не понимал, за что тот натравил своих кианинов бить его брата? Разве Кри Та Ран сделал Сандиасу что-то дурное?! Разве Кристанран чем-то задел когда-то Сандиаса?! Да они всего около недели знакомы! И ещё больше отравляло душу человека осознание, что он не успел вмешаться, что он не сумел своего брата защитить. Что Кристанран только стоял и смотрел, как его брата пытаются искалечить.

Но Кри Та Ран ловко оборонялся. Его ни один из противников даже не сумел коснуться. Разве что случайно задел ногой концы его волос, собранные на затылке. Как у названного брата.

А через несколько мгновений – несчастный Кристанран не успел вмешаться – один из хианриа Сандиаса поймал Кри Та Рана за прядь волос. Кианин дёрнулся. Натянулись волосы. Он поморщился, запоздало. Но он был пойман.

А подросток и его кианины застыли, с интересом наблюдая за своей жертвой. Как за каким-то существом в лаборатории. Сочувствия у Сандиаса заметно не было.

Кристанран смотрел на них в ужасе. И жалел, что драться не учился. Да и его тело... его слабое тело начинало задыхаться.

Сандиас кивнул третьему кианину. Тот рванулся к человеку и схватил его, сдавливая шею своим локтём, крепко прижимая к себе. Кристанран побледнел. Начал хватать ртом воздух. Нет, его не душили. Но для только начавшего оправляться тела, для недавно раненной души, и сильно, потрясений оказалось даже слишком. Ещё и после того, как он снова сел в железную птицу... после всего...

Кри Та Ран резко присел – и вынырнул из-под ног у соперников. Но, впрочем, хватка того кианина на его волосах была жёсткой.

– К-кри! – отчаянно выдохнул человек.

Кажется, его аини уже становилось дурно. Аини был в опасности. Ещё не успевший полностью прийти в себя после той страшной аварии.

Хианриа сжал правую руку в кулак, разжал. Ногти на его пальцах удлинились, заострились... и вдруг превратились в пять металлических лезвий! Он срубил часть своих волос, вырываясь.

А чужой кианин ещё крепче сжал шею его аини. Тот отчаянно дёрнулся. Бледнеющий, с круглыми от ужаса глазами.

– Дёрнешься – и он пострадать может, – усмехнулся Сандиас, смотря на Кри Та Рана.

Но тот...

Это было быстрое, неуловимое движение. Быстрые движения двух кианинов, рвущихся к подростку, и защищающего его. Блеск и едва уловимые росчерки металлических когтей-ножей.

Кристанран обвис в руках державшего его.

А те двое продолжали драться, молниеносно двигаясь друг перед другом, да замахаясь друг на друга настоящими ножами.

А потом вдруг Кри Та Ран мощным пинком ноги отшвырнул нападавшего и ступил за спину к Сандиасу, обнимая его за плечи левой рукой и прижимая к его горлу когти-ножи с правой.

– Ты перешёл границы, Сандиас, – сердито сказал мальчик-кианин. – Мы с братом не давали тебе повода нападать на нас. Тем более, что твои действия можно назвать попыткой убить моего брата.

– Это ты перешёл границы, подойдя ко мне с оружием, – Сандиас усмехнулся. – Мой кианин твоему аини оружием не угрожал, – и прищёлкнул пальцами правой руки.

Яркий голубой луч вырвался из-за обломка скалы. Вскрикнул отчаянно Кристанран.

Кри Та Ран, получивший удар в спину, дёрнулся, выпуская человека. Того сразу же подхватили и оттащили в сторону два свободных кианина. А четвёртый, тот, непохожий на троих, выступил из-за скалы. В его руке лежал цилиндрический, матовый, голубой кристалл, внутри

которого вились металлические узоры. Хартанир. Настоящий хартанир, который не доверили бы не достигшему совершеннолетия. И вообще бы мирному жителю не доверили.

Кри Та Ран согнулся от боли. Одежда у него на спине кровью не пропитывалась, так что кровавые струи стекали из ровной трещины на ней и из-под неё, не стянутой сегодня поясом.

Его названный брат застыл от ужаса.

Человек не выдержит этой раны. Луч хартанира рассёк его плоть, пробил лопатку или даже перебил позвоночник.

Кри Та Ран упал на колени, упираясь дрожащими руками в горный склон, поросший мхом, хватая ртом воздух.

Для человека эта рана могла стать смертельной. Если сразу не спасти.

«Он сейчас упадёт! А меня не отпускают! Я не смогу к нему подойти! – отчаянно подумал Кристанран. – Почему же я такой слабый?! Такой беспомощный?!»

Брат дёрнулся. Пошатнулся. Каменная поверхность вокруг него уже залита была кровью. Он с трудом удерживался, сидя на коленях, в луже собственной крови. Которая всё разрасталась, разрасталась...

Кристанран отчаянно заорал. Громко. Долго.

Мир перед его хианриа смазлся. Но этот испуганный, полный боли вопль он ещё различал. И решил, что его названного брата сейчас бьют.

Человек бы уже лежал в луже собственной крови.

Но Кри Та Ран поднялся. Ноги его несколько мгновений дрожали, но потом прекратили. Он выпрямился, не обращая внимания ни на кровь, почти покинувшую его тело, ни на резанную рану. Прищурился. И, издав пугающий вопль – его аини от неожиданности замолчал, а хианриа решил, что он уже без сознания – и рванулся вперёд.

Двое чужих кианина бросились вперёд, заслоняя Сандиаса.

И их быстрые движения уже сложно было различить обычному человеческому взгляду. Разве что тот, четвёртый кианин, в засаде, прищурился, прицеливаясь...

Сердце у Кристанрана остановилось. Забилося не сразу.

Долгий, жуткий миг тишины.

Подпрыгнул, выгибаясь, делая кувырок назад, Кри Та Ран. Кровавый веер прошёл за ним по воздуху. Росчерки тонких лезвий, сорвавшиеся с его ногтей. Голова чужого кианина падает в сторону, забрызгивая скалу кровью, искусственной, но так похожей на настоящую, человеческую... тело его дёргается... падает... и обезглавленное тело вдруг ползёт... туда, куда примерно по звуку укатилась срезанная голова.

Кри Та Ран спокойно приземляется, меняет позу, чуть задерживается, сидя на четвереньках, вдруг яростно бросается вперёд. Блеск лезвий, в которые превратились ногти на обоих его руках. Росчерки когтей-лезвий его противника. И несколько кровавых вееров. Два кианина Сандиаса падают, разрезанные на части. Кровь... несколько огромных луж крови... и вид внутренних органов, местами отрезанных вместе с остальным телом... жуткий вид человеческих внутренностей... человеческих...

Разве что кое-где в крови и на ранах едва заметно блестят металлические капли обнаженных имплантатов. И обрезки человеческих тел явно не будут ползать, подтягиваясь друг к другу! Не будут мёртвые шарить вокруг, в поисках отрубленных конечностей и выпавших органов!

Гадкое, отвратительное, жуткое зрелище! Военные бы может ещё вынесли, но Кристанран на войне никогда не был. Глаза мальчишки закатились. Он повис.

– Ты! – Сандиас яростно взмахнул кулаком, смотря на чужого кианина. – Ты... моих кианинов...

– Он мёртв! – переорал его последний уцелевший кианин.

Кри Та Ран и Сандиас невольно повернулись на громкий звук.

– У него остановилось сердце, – спокойно объяснил чужой кианин, выпуская неподвижное тело Кристанрана. То упало к его ногам.

Кри Та Ран зарычал.

В следующий миг последнего из чужих кианинов отшвырнуло назад, порезанного на куски. А хианриа опустился рядом с неподвижным аини, руку ему на грудь положил. Сердце человеческого мальчишки не билось. Виновник этой стычки дёрнулся было в сторону. И перед носом у него промелькнуло пущенное тонкое лезвие.

– Мой отец – глава совета! – завопил Сандиас, разворачиваясь. – Он уничтожит всю вашу семью!

– Я не тронул тебя, – холодно ответил чужой кианин. – На твоём теле нет ни одного повреждения. А у Кристанрана остановилось сердце. Я уже отпечатал голограмму его тела и данные о его состоянии – и послал его родственникам.

– Мой отец... – начал было упрямый подросток.

– И в Совет я копию послал, – ухмылка появилась на губах Кри Та Рана, хотя вроде в этой ситуации, где его раскрыли, а свидетелей больше не было, можно бы и обойтись.

– Ты! Ты! – Сандиаса трясло, то ли от злости, то ли от ужаса.

Но слишком медленно собирали свои разрезанные тела его кианины. А этот, чужой, был ещё цел. Он мог бы напасть.

Кри Та Ран осторожным движением надрезал шею своего аини, над большой артерией, потом укусил до крови свою нижнюю губу. Прикоснулся окровавленной губой к порезанной шее. Скорее, чтобы меньше крови у человека успело вытечь. Крови в теле кианина почти не осталось, а имплантаты новую ещё не создали. Впрочем, часть его имплантатов уже перешла в кровь аини, сканируя его состояние и устремляясь к сердцу, чтобы запустить его вперёд, чтобы заставить биться.

«Так, запустить ещё одного, чтобы сразу зарастил кожу и восстановил повреждённый сосуд...»

Кри Та Ран встал, спокойно, как будто бы всё ещё был цел. Быстро огляделся, повернувшись кругом.

– Голограмму окружающей обстановки я тоже отправил. Всем.

Сандиас задрожал. Он не понимал, кто эти «всем», но понимал, что чем больше людей узнают, тем больше вероятность возникновения неприятностей у его отца. А нрав у отца был суровый и, случалось пару раз, что он уже руку на сына поднимал. Раз потому, что тот не вовремя подошёл поговорить. Раз за дело. Но бил отец беспощадно и больно. И страшно обидно внутри было после его наказания. Тело-то домашние и рабочие роботы быстро подлатали, но боль в душе они стереть не смогли, боль у мальчишки осталась.

Дёрнулся Кристанран. Кианин присел рядом, снова ладонью коснулся худой груди. Отметил, улыбнувшись:

– Сердце снова бьётся.

И зачинщик кровавой бойни облегченно выдохнул. Одно дело попортить чужих кианинов – если совсем в хлам, то можно ж и новых подарить. Но убить настоящего человека, ещё и ребёнка – это преступление. А преступления карались. Впрочем, если эта малявка выживет, то папа может скандал замаять. Эдак легче замаять, когда этот трус живой. Даже если он и провалялся несколько минут мёртвый, с остановившимся сердцем. Его душа не успела покинуть тело, не успела оторваться от него – и ладно. Пока душа и тело вместе – всё ещё как-то восстанавливаемо.

Хотя почему душа иногда ещё держится изувеченного тела, а иногда уходит от целого или сносно сохранившегося – тайна. Нет, просто оплошность учёных. Ведь глупо же допускать, что Дикая Природа сильнее ума людей и достижений их науки? Глупо считать, как создания

некоторых глупых иных цивилизаций, что природа – это не сложное творение долгой эволюции, а разумное существо, которое ещё и осознанно что-то от людей прячет!

Сообщить о нападении и угрозе жизни человеческого мальчика – действие логичное. Шантажировать зачинщика драки, едва не стоившей его аини жизни – тоже логично. Вроде бы всё. Пока всё.

Но Кри Та Ран мрачно двинулся к Сандиасу.

Тот напрягся, но не сбежал. Ведь отцу уже донесли. Отец наверняка уже в дороге. А этот кианин... ха, вывел же обманщика на чистую воду! Этот кианин не посмеет его самого убить, потому что он – человек, ребёнок, да ещё и сын главы Совета их планеты.

«Поугрожает, поугрожает – и отстанет. Иначе родственничкам Кристанрана будет гадко жить в дальнейшем, – подросток ухмыльнулся. – Да и у папы должны быть связи везде. Папа у меня практичный»

Но кианин вдруг размахнулся. От мощной затрецины Сандиаса отбросило и ощутимо приложило об землю.

– Ты... – проорал он, подскакивая.

И застыл, увидев безумный, полный ненависти взгляд чужого хианриа.

«Разве... кианины умеют играть настолько убедительно?..» – потрясённо подумал избалованный отпрыск человеческой семьи.

– Если он умрёт насовсем – я тебя убью! – пообещал Кри Та Ран, прежде чем бросился обратно к своему аини.

И это тоже... было как-то слишком по-человечески.

«Разве что... – глаза у сына учёного потрясённо расширились от внезапной догадки. – Китрит 66-1?!»

И снова тихие будни

В дверь позвонили поздно ночью. Я как раз только разобралась с продолжением книги, как раз дописывала главу об начале вражды Сандиаса и кианина Кри Та Рана.

– Почему так поздно? – растерянно спросил папа, отправившийся раньше всех открывать.

– Можно войду? – донеслось робкое.

Растерянно отодвинулась от стола. И пошла замок на моей комнате открывать торопливо, пока папа не успел Ки Ра выгнать. Кажется, что-то срочное случилось у того.

К счастью, папа и не подумал выгонять моего друга. И, когда я уже распахнула дверь, которой огородилась от остального мира и близких, чтобы не мешали творить, когда уже в коридор выскочила, то увидела вымокшего до нитки парня, робко замершего за порогом. Или ему помогло, что так некстати попал под дождь? Дожди осенние страшно холодными бывают. Как бы ни заболел.

Пройдя мимо папы, осторожно взяла парня за запястье. Тот растерянно посмотрел на мои пальцы, обхватившие его руку. Потом – робко заглянул мне в глаза. На папу я не смотрела. Да и чего тут. Жалко человека. Тем более, который меня защитил. И даже от парней с оружием.

– Пойдём, переоденешься! – потянула Ки Ра внутрь. – И в горячий душ тебе надо, а то простудишься.

Влекомый мною, кореец всё же решился переступить через порог в мой дом. Смущённо зашёл внутрь. Поклонился моему отцу. Чётко сказал:

– Я извиняюсь за беспокойство.

– Нет проблем! – отмахнулся отец, дверь закрывая, но оставляя его уже на одной стороне с нами.

– У меня есть лишняя одежда, – улыбнулась Ки Ра, осторожно руку его выпуская.

– Да уж, повезло, что ты такой маленький, – ухмыльнулся мой отец, правда, запоздало понял, что ляпнул, и смутился. – То есть, я...

– Маленький да удаленький, – чётко сказал вдруг парень, улыбнувшись ему. Видимо, процитировал заученное прежде. Похоже, его уже часто русские доставали, раз он для таких шуток и тем запасся словесным оружием.

– Сейчас принесу тебе сменную одежду, разувайся пока, – и кинулась в свою комнату. – И не возражай, тебе нельзя после дождя замёрзнуть и простудиться!

Ки Ра обнаружился уже на кухне, вместе с папой. Мой родитель чайник кипятил и уже поставил две кружки на стол. Перед гостем – самую большую и толстую, что у нас в доме была. Свою, причём. Хотя обычно рьяно защищал свои любимые вещи от посягательства. И бурчал, когда гости невольно его чашку цапали себе, допущенные до сокровищницы, то есть, к посудному шкафу.

Кстати, пока искала одежду, тихо было. То ли мужчины не говорили вообще, то ли очень тихо и кратко что-то обсудили. А вообще странно, что отец так смирился с визитом парня, да ещё и в такое время. О, теперь уже всё нашло!

Получив стопку чистой одежды из спортивных штанов и футболки, венчавшихся сверху парой шерстяных носков, парень прижал их к своей груди и поклонился мне. И в душ ушёл. Я смущённо осталась стоять на месте. Чего это он вдруг кланяется? Ладно бы моим предкам, а то ж мне!

– Зелёное! – крикнул в ответ папа. – Полотенце зелёное!

Ага, тут уже пожадничал. Брата полотенце отдал.

Но, впрочем, брат пока отсутствовал, жил в общежитии. Там у него была хотя и одна лишь комнатка, однако же своя собственная территория. И всех соседей он оттуда уже выжил. И

жил теперь привольно, аки король целого королевства. Хотя доводилось совершать захватнические набеги и, порою даже бои отчаянные и кровопролитные, на общую кухню. Даже за угол холодильника воевать приходилось ему. Хотя потом он нашёл вторую подработку и купил себе свой, в свою комнату, большой. К счастью, мама и бабушка редко ходили к нему в гости и редко туда заглядывали, а то бы ужаснулись количеству вредной пищи. Брат ещё и требовал, чтоб я заранее его смс-кой предупреждала «о крестовом походе предков». Настаивал, чтоб «старалась вообще отвадить неуёмных женщин от его холостяцкой берлоги», ссылаясь, что у него там девушка очередная. Потеря репутации его беспокоила меньше вражеских налётов на его холодильник. А девушек то ли не водил вообще, то ли редко. Ибо его «бабы уже достали, отдохнуть бы».

Пока Ки Ра отмокал в ванной, мы с отцом молча пили чай. Странно, мой родитель и тут ничего не сказал.

– Благодарю за заботу. Вас, – сказали вдруг за моей спиной.

И я подпрыгнула, чашку задев локтём.

Но мне на ноги пролилось немного – Ки Ра успел перехватить чашку. Так что основной кипяток пролился на стол и на его руку. Но он только поморщился. Я вот заткнулась не сразу. Не сразу заметила очередную его помощь.

Ки Ра промокнул кипяток своей футболкой – он свою одежду снятую с собою нёс – и кипяток до меня по столу не дополз.

– Спасибо! – смущённо улыбнулась, потом виновато его ладонь тронула. – И извини.

Парень как-то странно посмотрел на мою руку, лёгшую поверх его. И я смущённо вдруг потупилась. И вдруг заметила несколько узких шрамов, идущих над его запястьем. Прежде скрытых рукавами толстовок или рубашек.

Ки Ра свою руку вдруг выхватил, отдёргивая. И я тут уже заметила несколько шрамов на его запястье. Безобразных шрамов над венами. Он за моим взглядом проследил и смутился. Проворчал:

– Я был слабый.

– Ну, теперь-то ты сильнее стал, – отец мой ободряюще сжал его плечо. – Сашка нам все уши прожужжала, рассказывая, как ты заступился за неё и Леру. То есть, я сказать хотел...

– Я понимать, – кивнул кореец серьёзно. – Я был слабый. Но я стал сильный. Это вы хотите сказать.

– Всяко бывает, – отец вздохнул. – Путь к силе бывает долгим и сложным.

– Я знаю, – усмехнулся парень.

Говорили они, кстати, тихо. Видимо, чтобы спящих не беспокоить. Хотя от моего вопля те могли уже проснуться. Эх, даже не поинтересовались, что со мной, гады!

Мой родитель поднялся. Похлопал нежданного гостя по плечу:

– Ладно, оставайся у нас. Поздно уже идти.

– А... этооо... – Ки Ра смутился.

– Ваше дело, – мой папаша многозначительно подмигнул ему, потом – мне. И ушёл.

Хотя из спальни родителей как будто возмущённый шёпот доносился.

– Прости, – виновато сказал Ки Ра, – я не вовремя приходил.

Налила ему горячего чаю. Полезла в холодильник.

– Не надо, – вдруг сказал он. – Я не голодный.

– Зато я слона хочу сожрать!

– Тебя обвинят в браконьерства.

Он сказал это так серьёзно, что невольно обернулась к нему. Да, не понял моего юмора. Хотя от колбасы, которую я нарезала на доске, всё же кольцо цапнул чуть погодя.

Доев бутерброд и снова чашки наши наполнив – на этот раз, к счастью, без несчастных случаев обошлось, грустно спросила:

- Что-то случилось у тебя?
- Случилось, – он вздохнул. – Не спрашивай меня.
- Договорились, – кивнула.

Перекусив – он ел немного – выпила ещё полчашки. Он от добавки отказался. И первой в комнату пошлёпала босыми ногами. Тапки забыла в комнате, ещё когда он пришёл, у стола. Не знала, что тут говорить. Первый раз ко мне так приходил кто-то из парней. Да ещё и чтоб остаться. Хотя он уже был у меня второй раз. Ну, тогда-то ладно. Считай, два инвалида в комнате. Тогда спокойно на кровати как-то уместились. Но сегодня... сегодня всё было как-то странно.

Потому я не в кровать пошла, а к ноуту. И даже сделала вид, будто печатаю.

«Последний влюблённый» – отрывок 14

Когда роботы и люди разошлись, дети и отец Сандиаса ещё остались. Останки кианинов раскуроченных роботы главы Совета собрали и унесли почти сразу. Это с проверкой Кристанрана возились, со срочной операцией, с инъекцией исцеляющих имплантатов.

Глава Совета лично извинился перед аини и хианриа. Он, впрочем, притворился, будто извиняется перед сыном и племянником Хритара и Каньян. Хотя умный мужчина сразу понял, увидев останки хианриа его сына, что обычный человек так искалечить трёх боевых кианинов и одного кианина-спутника не сумел бы. Ну да после, если микрокамеры с глаз искалеченных кианинов и иных, скрытых от всеобщего известного, мест отремонтируют, вот тогда он всё-всё увидит.

Мальчишки остались одни. И тяжело дышащий, недавно пришедший в себя Кристанран. И взволнованный Кри Та Ран. От цепкого взора их врага не укрылось, что хианриа выглядит убедительно взволнованным. По-настоящему. Но, впрочем, любознательный Сандиас знал, что Китрит 66-1 и положено быть чрезвычайно убедительными.

В конце-то концов, Китрит 66-1 имели в основе своей настоящие человеческие души. Хотя и собранные с умерших людей, преимущественно, редких нежеланных детей, чьи родители решились радикально от них избавиться, совсем не вкладываясь в воспитание. Да с душ выкидышей, которые успели подхватить. Да, Сандиас кое-что из секретной информации от отца добыл, хотя и не сам заставил своего хианриа-спутника, а, тайно запершись от него в чужом общественном туалете, взломал кой-какие секретные хранилища информации. Чтобы сами его кианины отцу о чрезмерном интересе аини к этой теме не донесли. Сам-то Сандиас рос весьма смышленным мальцом. Если бы ещё и использовал свой недюжий ум и обширные знания на благо людей! Но нет, мальчишку интересовал только он сам, его личная выгода и интересы.

Он знал, что души казнённых преступников использовать для Китрит 66-1 вначале как раз и пытались. Но, впрочем, редко кого требовалось совсем уничтожить. Да и боль, и злость тех людей часто пропечатывались в их душах. Кианины, сделанные из осуждённых, часто бунтовали. И вскоре их почти прекратили использовать, после того, как один из них стал лидером восстания яйцеголовых из трипаторской цивилизации, где нищие вздумали свергнуть элиту.

Души тяжелобольных – иногда такое, увы, случалось, особенно, после контактов с малоизвестными разумными и неразумными цивилизациями, у которых самих была слабо развита медицина – словом, души тяжелобольных были какими-то вялыми, будто в них отпечаталось уже состояние тоски или угнетённого принятия неизбежного или даже ближнего конца.

Души нескольких учёных из приророждённых и полуискусственных, решившихся отдать самую суть себя на эксперименты во благо науки и прогресса человеческого, почти все рассыпались, едва обращённые в артэа. А уцелевшие были слишком слабы.

И потому чей-то расчётливый ум вдруг вспомнил о новорожденных детях или тех, кто ещё прибывает в материнской утробе. Или в искусственной матке. Вспомнил кто-то из учёных, что в телах младенцев итак есть ствольные клетки, которые и помогают плодам и маленьким детям быстро расти. И, если в телах младенцев есть ствольные клетки, то, может, и у юных душ запас сил может быть большой?

Сколько там был жутких экспериментов – этого Сандиас не открыл. Да и побоялся копать так глубоко. Но выяснил, что души полуискусственных были слабее, чем приророждённых. Как странно! Слабое тело, рождённое природой, было носителем самой сильной и яркой души! Особенно, сильными души были у рождённых естественным путём. Самые яркие и стойкие души, наиболее часто выдерживающие цепь деформации и кристаллизации внутри артэа, были у новорожденных или ещё пребывающих в материнской утробе.

Но новорожденных родители берегли. Кого-то из учёных застрелили за одну попытку выпросить или выкупить чьего-то только что родившегося сына, чьи молодые родители ещё до родов выли, что им его не надо. Жестоко убили учёного, размазав так, что собрать его роботы не смогли. Точнее, собрали, кроме левой ноги и большей части сердца. Искусственное сердце не прижилось. Точнее вернуть туда подхваченную душу коллеги-учёные не смогли. Даже сумев сделать из неё артэа. Душа рассыпалась в первый же час, будто ужаснулась, в какой мир и к каким делам её хотят вернуть. Да нет же! Эту глупую теорию сразу отмели, а сказавшего её – высмеяли. Уже установили научным путём, что не все души были достаточно сильными, чтобы выдержать долгое существование внутри артэа и искусственную деформацию себя, подавляющую волю самой души ради защиты навязанного ей человека.

И потому остались только незапланированные дети, особенно, у совсем молодых родителей, из любопытства или волею обстоятельств слишком рано вкусивших любовные утех. Или у слишком старых. Больных. Живущих в глухих местах и на нищих планетах. Из умирающих колоний. Их тела упрямые учёные вырезали из утроб матерей ещё до рождения, боясь, что после родов новоявленные матери от своих детей уже не откажутся. Да, собственно, и матери, и отцы несостоявшиеся, кто знал, не слишком хотели распространяться о том.

Потому-то про существование Китрит 66-1 было мало кому известно, а знаниями о них вообще располагали немногие. Ровно, как и проводившие операцию деформации души в артэа, лишения её своей воли. Создание связи между будущими аини и хианриа в данном случае заключалось иначе, чем с обычными кианинами, внутри которых души не было.

Кианины Китрит 66-1 имели тела полностью искусственные, напичканные многими имплантатами ради целей хозяев, обычно властимущих или военных, или особо важных исследователей. Иногда кианины эти имели сколько-то видоизменённых генов. Они особо убедительно могли изображать «любовь» с приророждёнными или полуискусственными противоположного пола. Но потомства своего не имели. Они... пожалуй, в основном они даже не притворялись. Осколки когда-то живых человеческих душ испытывали настоящие чувства и эмоции. Сознание искорёженное было начисто или большей частью лишено своей свободной воли. В души, ставшие артэа или, по другой версии, заточённые в кристалл-хранитель под названием артэа, была вбита программа следовать за каким-то конкретным человеком, к которому его привязали.

Но, если обычные кианины после гибели своего аини самоуничтожались, то Китрит 66-1 могли взбунтоваться и уйти. Хотя и немногочисленные из таких упрямцев смогли продержаться несколько месяцев или лет. За ними огромные своры боевых роботов и кианинов отправляли.

Китрит 66-1 были очень умелыми и опасными, потому немногим доверяли стать их аини.

«Но... Кристанран как-то стал, – мрачно подумал Сандиас. – Это... это, наверное, сделано незаконно? Точно! Дядя Кристанрана, кажется, одно время работал в дарина, специализирующемся на производстве кианинов. Может, был причастен и к тайнам Китрит 66-1?»

Но отцу признаваться в своей страшной гипотезе мальчик не стал. Он справедливо подумал, что если Хритар был допущен до таких глубин, то враждовать с ним открыто опасно.

Наконец и глава Совета ушёл, лицемерно погладив Кристанрана по голове, да улыбнувшись заботливо, почти совсем убедительно, наученный долгим опытом управления. Он тоже не хотел наживать дополнительных врагов. Настоятельно сына попросил примириться с этими двумя сводными братьями. И ушёл, оставив их самим себе. Должен же его сын сам уже учиться хоть часть своего дерьма разгребать за собой!

Когда мужчина с седыми прядями у висков – подарок после какого-то особо нервотрёпного дела на семисот каком-то году жизни, который он оставил для придания зрелости облику – ушёл, эти трое остались одни, напряжённо смотря друг на друга. Человек невольно жался

к брату. К тому, кого он считал своим братом. Тот стоял между ним и тем, кто едва не убил его хозяина насовсем.

«Братом прикидывается. Что защищать умеет, скрывает. Наверное, кианин-спутник» – холодно отметил в уме Сандиас.

– Зачем ты издевался над моим братом? – наконец подал голос один из его новых объектов для изучения, но, почему-то, сам Кристанран. – Он ничего дурного тебе не сделал!

«Интересно, как ты запоёшь, если узнаешь, что твой любимый братец – не человек?» – с усмешкою подумал Сандиас.

У него самого братьев тоже не было. Или всё же был один, старший, но века два назад как помер в какой-то экспедиции? Или просто убежал с кем-то против воли семьи, так что имя его затёрли из общих списков, соврав, что нет его больше среди живых. Тут смысленный мальчишка тоже не успел ещё пролезть на глубь хранилищ камер, до архивов документов и личных бесед докопаться ещё не сумел. Не все нашёл. Кажется, ещё не все.

– Таких в Старую эпоху называли «человек с холодным сердцем», – с кривою усмешкой произнёс Кри Та Ран, пристально глядя на обидевшего его аини.

И словами он резал метко.

«Огромная база информации? – с интересом предположил юный исследователь. – Или... то проявление уцелевшей части его души? Настоящей души его усмешка? Ведь есть же теория, что души, ставшие артэа, что-то всё же чувствуют, проблесками, своё, но вроде редко»

В сердце или в душе Сандиаса жило большое любопытство. Ко многим вещам. Или то сказывались гены? У них несколько учёных было в роду. И, когда бывшие дети и свободные люди предавались разным развлечениям, этот любил рыскать среди чужих секретов или изучать всё подряд. Или душа каждого, живая которая душа, имеет свою какую-то цель? Ту, что имеется ещё до появления сознания? Сознание, не связанное с человеческим телом?.. Но, ведь если признать, что души сами по себе имеют сознание и какую-то цель... это же выйдет, что есть что-то в Дикой Природе, всё ещё сохраняющей скрытой какую-то свою часть... есть что-то в этой пакости, недоступное пронизательному и любознательному человеческому уму?.. Но что движет саму природу? Если эту бессмысленную систему и правда что-то движет, само, изнутри?..

– Зачем ты мучаешь моего брата?! – обиженно выдохнул Кристанран.

И Сандиас испытал вдруг горечь. Он того, что эти двое так связаны. Так заботятся друг о друге! У него был свой кианин-спутник. Но с ним такой яркой заботы у них друг о друге не было. Просто Сандиас использовал своего хианриа как хотел. А тот, разумеется, ему и служил. Как и запрограммировали его артэа. Ну, то искусственное подобие души, которое изначально учёные прозвали артэа. То искусственное творение человека и прогресса, которое как ни старались его творцы, никак не могло полностью уподобиться живой душе, появляющейся у приророждённых или полуискусственных.

Хотя... может, всё дело было в том, что Сандиас среди предков имел несколько полуискусственных? Те славились особой расчётливостью и жестокостью, особенно, несколько поколений спустя.

Но Сандиас ещё жив. Даже при том, что его родственники уже усиленно искали себе приророждённых партнёров для создания нового поколения потомства. Просто с полуискусственными создать потомство уже почти ни у кого из рода не получалось. А с приророждёнными можно. Учёные вычислили, что какой-то процент приророждённых в роду должен быть, иначе этот род выродится. Следующие души будут слабыми или тела хлипкими, несмотря на обилие имплантатов лечебных, несмотря на серьёзную коррекцию генов. А ещё просто перестанут давать потомство.

Вот до этого потомок учёных ещё не докопался.

Но он родился с живой душой. И импульсивность, злость были ему присущи.

И, досадуя на этих двух мальчишек, столь убедительно прикидывающихся семьёй, он сказал, громко и резко:

– Я не брата твоего мучаю, Кристанран. Я мучаю твоего хианриа.

– Ты... ты снова издеваешься?! – подскочил человек раздосадованный.

– Но ты видел, что он сделал с моими кианинами-защитниками, – спокойно возразил Сандиас, плечами передёрнув. – Разве человеческий мальчик наших с тобой лет научен так кромсать боевых кианинов?

Вздрыгнул Кристанран от внезапной догадки. Отчего-то кулак сжал его хианриа.

«Но, впрочем, это же Китрит 66-1, а эти гады очень изворотливы и убедительны»

– И вообще, – невозмутимо продолжил мальчик с жадным характером учёного, внимательно глядя за первыми встреченными Китрит 66-1 и его аини, такими редкими и такими взволнованными, – разве обычный мальчик кинулся бы так крушить моих спутников? А вдруг бы они оказались людьми? Разве человек может так безжалостно выпотрошить другого?

Кристанран страшно побелел. Сандиас с трудом спрятал улыбку.

«Надо же, какой же ты предсказуемый, Кристанран!» – довольно подумал он.

Человек потерянно осмотрел опустевшую землю, тщательно прибранную чужими роботами. Но, впрочем, он всё ещё помнил, как всё вокруг было покрыто клочками чужих тел. Так похожими на настоящие! Крохотные металлические капельки имплантатов не были заметными издали. А потому будто трупы искорёженные, разорванные, разрезанные валялись вокруг, на части разделённые. И всё это сделал его брат. Сделал, о ужас, совершенно равнодушно.

«Разве человек мог?..» – отчаянно подумал он.

Повернулся к брату. К тому, кто несколько недель столь беспощадно прикидывался его братом, да столь нагло врал ему. Хотя мягкое сердце, душа, не отягощённая ещё слишком болью и трудностями, не хотела верить в те жуткие слова, сказанные чужим.

– Ты... – голос юного человека, отчаянно смотревшего на кианина, дрогнул. – Ты... скажи, Кри Та Ран! Честно скажи! Ты – человек или кианин?!

У второго мальчишки внутри что-то случилось. Будто прутьями металлическими внутренности проткнули. Раскалёнными прутьями. Боль, от которой хотелось съёжиться. Боль, от которой нельзя было убежать.

«Меня задели в бою?» – подумал он напугано.

Но эти глаза смотрели на него. Они... это они его резали! Без ножа.

– Ты человек или кианин?! – резко спросил Кристанран. И лицо его исказилось от внутренней боли.

«Сердце не смогли полностью восстановить внедрённые имплантаты?..»

Так подумал мозг. Сознание, рождённое в теле.

А остатки души, скрытой где-то внутри, подсказали:

«Ему больно, потому, что он не знает правды, потому, что Кристанран не хочет, чтобы я был кианином. Но я всё равно останусь только кианином. И он всё равно однажды это поймёт. Ведь кианины не могут совсем заменить людей. Временно – да. Но навечно – нет»

Он не осознал это толком. Но, следуя неясному порыву, почему-то решил сказать это сейчас:

– Я – твой хианриа.

Потому что он и правда был его хианриа. Только хианриа. Но это не мешает ему следовать за ним вечно. Ту вечность, которая будет длиною в их жизнь. И злость Кристанрана не мешает.

От слов брата, точнее, лишь человекоподобной оболочки, которую своим братом считал, Кристанран вздрогнул. Кажется, ему тоже примерещились эти раскалённые прутья, которыми пронзили что-то внутри.

– Ты... ты мне соврал! – с ненавистью выдохнул человек.

– Я создан, чтобы служить тебе, – спокойно произнёс кианин.

– Но дядя... – Кристанран задышался.

– Просил, чтобы я был с тобой. Я должен поддержать тебя, пока ты не окрепнешь и не смиришься с болью от потери родителей.

Ведь надо было как-то объяснить его присутствие рядом? Вроде.

«Он всё равно однажды это узнает или поймёт»

– Значит, вы оба... – мальчик судорожно сглотнул. – Вы оба мне врали!

И, отвернувшись от Сандиаса и Кри Та Рана, в сторону пошёл. Не в город. Не в дом. В то здание, где жили обманщики, которым он столько верил и доверял, ему возвращаться не хотелось.

Кри Та Ран побежал за ним. Догнал. Пошёл следом.

Заслышав звук его шагов – кианин сейчас не скрывался и шёл, как и люди шли – человек резко обернулся. И ударил кулаком его в грудь. Хианриа устоял.

«Или... мне упасть надо было? – растерянно подумал он. – Вдруг бы, ударив меня раз или несколько, он бы выдохнул свою злость? Люди же не могут вечно жить, охваченные только одним чувством»

– Ты... – Кристанран шумно выдохнул. – Убирайся! И больше никогда ко мне не подходи! Лжец! Я... – в глазах его появились слёзы. – Я ненавижу тебя!

И ушёл. Быстро ушёл, ускоряясь.

– Твоё сердце... Ты только что после операции!!! – возмущённо закричал Кри Та Ран.

– Отстань!!! – рявкнул человек. – И не смей ходить за мной! Это приказ!

Остановился, но так и не обернулся, пряча слёзы. Но голос его тихий кианин чётко слышал:

– Никогда больше не подходи ко мне! – сделал несколько шагов и проворчал, едва слышно. – Груда железа!

Хотя он немного знал, как делают кианинов – тема эта его прежде не интересовала, но о ней иногда говорили другие – и слышал про искусственно созданное тело, подобное настоящему. Да и... не всё ли равно? Ведь известно же, что советы разных дарина не признали кианинов людьми.

В голове чётко прозвучал спокойный голос с учебной голограммы:

«Кианины – только подобие человека. Искусственно созданное тело с искусственно созданным подобием сознания и души. Они только притворяются, будто испытывают чувства и эмоции. Они не имеют потомства ни от приророждённых, ни от полуискусственных, ни от искусственно рождённых. Возможность рожать потомство считается одним из основных свойств живого организма...».

И этот спокойный голос, всплывший из памяти, отравлял душу чем-то невыносимо липким и тяжёлым. И, кажется, от этого чувства невозможно было отмыться.

«Но я хотя бы могу приказать ему не ходить за мной» – с горькой улыбкой подумал Кристанран.

Он уходил. С каждым шагом всё дальше и дальше. Уходил в сторону от дома, где его ждали родственники, где ему было легко найти защиту. Он, тот, кого Кри Та Ран создан был защищать, запретил ему приближаться к себе и отказался от его защиты!

Так думал оставленный хозяином кианин.

Но огрызок, осколок его искалеченной души скорчился от боли. Боль... что тот, о ком ты старался заботиться, покидает тебя.

«Сегодня он покидает меня. И, может быть, насовсем. Я не должен его искать?...»

Он думал. Много думал, судорожно анализируя, подбирая разные варианты.

«Может, я смогу незаметно следовать за ним? Ведь у меня есть умения для этого. И я смогу вмешаться, если над ним нависнет совсем серьёзная опасность. Так... так будет правильно? Хотя он мне запретил к нему приближаться...»

Но душа всё поняла правильно.

Кристанран просто его оставил. Оставил одного. Отказался от него.

Душа могла понять эту боль. Душа корчилась, охваченная этой болью. Но сознание, созданное искусственно в искусственном теле – нет.

Но, хотя сознание кианина было растерянно, однако же осколок души продолжал чувствовать. И это, что он сейчас чувствовал, была боль. Боль отчаянная и безутешная. Боль мучительная.

«Меня повредили в бою?»

Но искусственные имплантаты, волею сознания отправленные на новое обследование организма, внутреннее, усиленное, с приказом вылечить все найденные повреждения поскорей... они, конечно, растекались по телу, проходя меж капель крови, проникая через клетки органов. Но боль внутри не утихала. Боль почему-то не исчезла.

А Сандиас с интересом следил за действиями кианина. На то, как он стоял и смотрел, как его человек уходит. Стоял и неотрывно смотрел, покуда его аини совсем не скрылся из виду. Будто совсем забыл обо всём на свете. Казавшийся таким потерянным.

И полуискусственный человек, потомок нескольких учёных, не удержался:

– Ты создан, чтобы защищать его. Но он тебя прогнал. Как же ты теперь выполнишь своё предназначение?

Сандиас намеренно торопил его. Ему не терпелось увидеть, как же будет метаться кианин. Да и... роботы же ничего не чувствуют! Роботов можно самолично крушить и разбирать – и они покорно последуют воле хозяина. Разве что чужих нельзя разбирать и ломать без разрешения хозяев. Но, впрочем, Кри Та Ран теперь уже как бы ничей.

«Побежит его догонять? Самоуничтожится прямо сейчас?» – оживлённо обдумывал юный исследователь, внимательно наблюдая за кианином.

– Моё предназначение... – глухо повторил чужой кианин.

И стоял какое-то время в растерянности. Человек чужой даже обозлился за его медлительность.

– Моё предназначение... – едва слышно повторил чужой хианриа, потом как-то резко сказал: – Моя душа...

Но вдруг повернулся к Сандиасу. Лицо у чужого кианина было бесстрастным. Вот, он медленно пошёл к чужому аини.

«Он... попросится служить мне? – недоумённо подумал Сандиас. – А что! Должен же он о ком-то заботиться! О, тогда у меня будет свой собственный Китрит бб-1! Интересно, каково это?!»

Вот, расстояние между ним и кианином редкого подвида сокращалось. Всё больше и больше. То есть, всё меньше и меньше.

«Тем более, что их так сложно добыть! А у меня будет свой» – радостно подумал юный исследователь.

Но искусственный человек подошёл к нему, продолжая пристально смотреть на него. И... вдруг замахнулся. И... и с размаху, мощно ударил. По тому же месту, по которому прежде его бил. Хотя и рассчитав силу удара, чтобы не снести Сандиасу голову совсем, чтобы он не скончался от сотрясения мозга или пробитого черепа и размазанного твёрдой рукой мозга.

Боль была жуткая. К человеку не сразу вернулась способность соображать. А когда боль чуть убавилась – он снова увидел своего мучителя. Причём, кианин стоял напротив него и... улыбался. Ухмылялся. То ядовитое торжество, которое испытывают настоящие люди. Ну...

и полуискусственные. То ядовитое торжество, которое испытывают обиженные страшно или сильно оскорблённые, когда хотя бы отчасти сумеют осуществить свою месть.

– Н-но... – теперь уже у Сандиаса голос задрожал. – Но ты не человек! Ты не можешь на меня злиться!!!

– Что такое человек? – серьёзно спросил Кри Та Ран, чуть склонив голову на бок, но не отрывая от дотошного подростка своего жуткого взгляда. – Тот, кто имеет тело, подобное человеческому? Или тот, кто не мучает слабых?

– Т-ты... – начал было Сандиас.

Кианин схватил его за ворот, сжал. От духоты и ужаса Сандиас прежнюю мысль додумать не сумел.

– Люди учатся на своих ошибках, – продолжил кианин и вдруг усмехнулся.

Но в усмешке его было только злое торжество победителя, хотя бы временно одолевшего противника – и это злое торжество Сандиас тоже знал.

И он вдруг понял. Это не предупреждение было. Его не волновало, чтоб чужой аини получил ценный опыт, который разовьёт его мозг. Да, Кри Та Ран притворялся, что хочет дать ему урок. Но на самом деле он притворялся. А сам просто хотел врезать Сандиасу. Но так врезать, мучительно врезать, чтобы не убить. Чтобы осталось, кому испытывать боль. Чтобы он жил и эту боль помнил.

Кианины не бывают мстительными. Им не присуща злопамятность. Да, сделают ради выгоды. По приказу хозяина. Ради блага хозяина.

Но хозяин Кри Та Рана от него ушёл. Из-за Сандиаса. И кианин не мог этого простить. Не мог простить. Не хотел.

Потому что у этого кианина была душа. Полуубитая. Или даже больше. Слепок души, осколок души. Но души когда-то живой, способной чувствовать.

И Сандиас чётко это понял вдруг, когда смотрел Кри Та Рану в глаза.

Души умеют общаться без слов. Души понимают намного больше. Даже когда мозг и подвластное ему сознание ещё не успели понять.

Кианин сжал ворот ещё туже. Его враг начал задыхаться. Отчаянно пытался отмахнуться. Но его руки были слабее. Ноги были слабее. Он задыхался без воздуха. Он задыхался от ужаса. Он задыхался под взглядом этих ледяных глаз, в которых отчётливо уловил боль и презрение чужой души, живой души. Искалеченной, пленённой, но всё ещё живой чужой души. Только живая душа могла испытывать боль от того, что он с ним сделал.

Но, когда сознание юного человека, заигравшегося со своими исследованиями, стало меркнуть, когда он перестал отчаянно пытаться отбиваться и затих, совсем обвис на его руке, кианин разжал пальцы. С ухмылкой смотрел, как упало и дёрнулось тело того, кто причинил боль ему и его аини. Или... или сейчас его волновало только то, что этот мальчишка причинил боль ему?..

Сознание Сандиаса прояснилось не сразу. Он ещё долго жадно глотал воздух, интуитивно. Кианин стоял и ждал. Вот враг наконец-то открыл глаза, но уже без того мерзкого любопытства, с каким смотрел на Кри Та Рана прежде. Сознание кианина не поняло всего, но душа прекрасно поняла, что движет этим жестоким мальчишкой. И осколку едва живой души или всё же давно убитой, но как-то сохранившейся внутри артэа... эта душа ненавидела того, кто мучил её из одного только любопытства.

Вот взгляд Сандиаса прояснился. Он смотрел уже в одну точку. Кианин стоял и смотрел.

Вот человек напрягся. И даже порывисто поднялся, опираясь на локти, отчаянно дёрнулся, пытаясь отодвинуться подальше от него. Кианин стоял и смотрел.

Это был первый день, когда Сандиас чувствовал себя таким беспомощным и испуганным. Но он был столь сильно напуган, что у него даже не было сил, чтобы ненавидеть своего

мучителя. Только пытаться отодвинуться. Неудобно. Безуспешно. А тот стоял и смотрел на него сверху вниз. С тем же любопытством, с каким ещё недавно смотрел на него человек.

Вдруг чужой хианриа дёрнулся. И человек обречённо замер, боясь, что теперь-то его точно убьют. И, может, снова будут мучить. Ведь Кри Та Ран хотел его мучений! Ведь он видел это!

Но взгляд мальчика напротив был каким-то странным. И... и даже вдруг стал грустным. И... и этот искусственный мальчик вдруг серьёзно спросил у живого:

– Что такое человек?..

И взгляд был его и не его будто. Будто изнутри этого искусственного тела кто-то посмотрел на Сандиаса. Кто-то другой. Более сильный. Более мудрый. Более древний. И... и очень грустный.

«Кианин не мог...» – растерянно подумал жадный исследователь.

Но из глаз искусственного тела на него смотрел кто-то осмысленный. Кто-то, кого волновало намного больше, чем запрограммировано в интересы и цели кианинов. И этот взгляд зачаровывал. И этот взгляд пугал.

«Но ведь он же Китрит 66-1, – запоздало вспомнил Сандиас, снова вспомнил. – У него есть какая-то часть души. Сохранилось что-то от души»

Мозг вдруг перестал думать. Ушли суетливые мысли. Ушёл страх.

Сознание юного исследователя ещё не поняло.

Но душа осознала.

Сейчас из глаз искусственного тела, из хрупкой тюрьмы артэа... да, в этот миг стены тюрьмы стали слишком тонкими и хрупкими. Сейчас на него смотрела чужая душа. Живая душа. Всё ещё живая.

Две души смотрели друг на друга из разных тел.

«Что такое человек?» – спросила одна, искалеченная страшно, но ещё живая.

А другая душа поняла, что на самом деле та, измученная и искорёженная, но всё ещё живая душа изнутри чужого тела, изнутри своей темницы спросила у его души:

«А ты... ты можешь называть себя человеком?».

Ту, другую душу, волновал этот вопрос. Интересовал её. Она, будучи измученной и отформатированной, всё же тянулось к своей сути. К сути всего. К сути его, Сандиаса. Иначе бы Кри Та Ран этого не спросил.

Но... Сандиаса прежде не волновал этот вопрос. Он... он как-то жил без этого всего. Человек, живой, которого осколок чьей-то души серьёзно спросил.

«Или... я сам перестал быть человеком? – вдруг чётко подумал Сандиас. – Я так далеко ушёл от самого себя, что он у меня это спросил?»

И он вдруг чётко понял, что чужая душа просто грустно хотела спросить:

«Почему ты перестал быть собой? Почему ты стал таким?».

Но какой он?.. Ещё недавно Сандиас это знал. Точнее, ему казалось, что он знал. Но... а какой он?..

Но, каким бы он ни был, слова чужой души задели его. Все её вопросы, не высказанные вслух. Он услышал все её грустные вопросы. Потому что когда душа говорит с душой, слова им попросту не нужны. Потому что когда-то изначально каждая душа умела говорить с другой. И сейчас ещё что-то от старого, от истинного остаётся.

Но Кри Та Ран вдруг повернулся. Спиной к нему повернулся. Словно не предвидел, что он может его ударить.

«Или он думал, что я не посмею?.. – растерянно подумал Сандиас. – Или... или ему всё равно?»

Но кианин ушёл. Тот, сохранивший в себе осколок от настоящего человека, осколок живой души. Тот, кого он так сильно ранил, что боль души прорвалась сквозь искусственные

заслоны – и душа, охваченная болью, забыла обо всём, кроме того, чтобы отомстить. Но... даже причинив своему мучителю боль, та жалкая, слабая душа не захотела его убить. Просто ударить. Просто напомнить. Просто уйти.

Кианин уходил. Но не в сторону города – там он был никому не нужен. И не в сторону, куда уходил его аини, который его прогнал.

Китрит 66-1, оставшись без своего хозяина, пошёл в другую сторону.

«Он... он может сам выбрать себе дорогу?...» – с ужасом подумал юный исследователь, потомок учёных, желавших расцвета человеческой цивилизации.

Но потом этот ужас почему-то сменился восхищением, хотя проявление Дикой Природы должно было ужаснуть его, потомка тех, кто с этой природой боролся веками или тысячелетиями.

Кианин уходил. Китрит 66-1 уходил сам.

Осколок искалеченной души уходил. Шёл своей дорогой.

Даже страшно измученная, даже сломленная, чужая душа всё ещё оставалась живой. И в этой силе чужой души было даже что-то красивое.

«Я мучил его. Я пробудил его своей болью. Он мучил меня, чтобы меня убить. Или чтобы пробудить меня? – растерянно думал человек, взглядом провожая уходящего кианина. – Но... я мучил его. Я не пощадил бы его. И его брата названного, который был настоящим человеком, я тоже не пощадил. Но Кри Та Ран пощадил меня. Он просто ушёл. Просто ушёл...»

И новая боль появилась у него внутри. Досада. Горечь. Тоска. Боль, которой он прежде не испытывал.

Это уже потом, много часов спустя, проанализировав всё и покопавшись в энциклопедиях, Сандиас наконец-то поймёт, что это было за мерзкое чувство, такое саднящее, словно рана, которой коснулось что-то солёное или даже раскалённое. Боль потревоженной раны. Боль, которой не в силах противиться ум. Он может притворяться, будто не видит её, может упорно врать сам себе.

Но душу не обманешь. Голос души всё равно пробьётся, как прорастает сорная трава, если есть какая-то щель среди искусственных плит. А если слой искусственного покрытия слишком толстый, то со временем оно набухнет, потом поднимется в какой-то части, потом треснет, потом лопнет... и трава всё равно вылезет.

Как остановить Дикую Природу не знал ещё никто.

И временами природа всё-таки прорывалась.

Рано или поздно природа всё равно прорвётся. Дикая Природа. Неподвластная человеку. Свободная.

Но в тот день её голос, дикой, свободной, бездонной, живущей по другим каким-то законам, полностью непонятным никому, даже жадному человеческому уму... в тот день Дикая Природа говорила с ним.

Этот голос природы в Старую эпоху звался совестью. Этот голос природы в нынешнюю эпоху звался нелепостью и глупостью.

Но природа всё равно говорила с людьми. Природа иногда всё же говорила с людьми. Совестью.

Голосом твёрдым и обжигающим что-то внутри.

Голосом, от которого не спрятаться.

Голосом, от которого не заткнуть уши.

Голосом, от которого не спасёт потеря слуха.

Потому что она говорила с душой. Природа взывала к человеческой душе.

«Куда ты идёшь, человек? – грустно спрашивала она. – Скажи, зачем ты сделал именно это сейчас? Скажи, зачем ты сделал это другим? Ведь ты сам знаешь, что сейчас пошёл не туда!»

Кианин просто ушёл. Ударил, но не убил своего мучителя. Более щедрый, чем этот человек. Этот человек полуискусственный.

Сандиас умом понимал, что нельзя позволить кианину из вида Китрит 66-1 бродить одному, с пробудившейся волей души или с проблеском её.

Почему-то те, если и испытывали проблеск своих, настоящих своих чувств, начинали бунтовать. Упрямые, готовые сломать все оковы.

Сандиас знал, что опасно для их цивилизации, чтобы Кри Та Ран оставался один, свободный или рвущийся на свободу.

Но он всё-таки его отпустил.

Он никому не сказал, что своими действиями и жестокими словами разбудил осколок души внутри одного Китрит 66-1.

Просто та искалеченная, измученная душа всё-таки отпустила своего мучителя. Он просто ушёл.

И потому Сандиас просто позволил ему уйти.

Ум говорил, ум неистово кричал, суеящийся, визгливый, напуганный:

«Одумайся! Он же вышел из-под контроля! Он же поймёт, что вы его мучали! Он же поймёт, что вы с ним все сделали! Он не простит вам этого!».

Но на душе у Сандиаса, жадного и пугливого, беспокойного обычно, сегодня было на удивление спокойно. В тот миг, когда кианин тоже скрылся из виду, растаял на горизонте, там, где небо и земля сливаются воедино, где-то в центре них, в центре возможного и невозможного... в тот миг боль отпустила душу человеческого мальчишки.

И своя собственная душа сказала ему:

«Это правильно. Я должен отпустить его».

Хотя ему самому потребовалось много лет, чтобы понять мозгами и ленивым сознанием то, что поняла его душа в тот жуткий день из детства, день, который почему-то застрял в его памяти так, как не смог застрять ни один другой день его детства.

Душа свободная. Душа остаётся свободной, что бы с нею не делали. Как бы её не мучили, как бы ни мучили тело, к которому она сейчас привязана, душа всё равно остаётся свободной.

Однажды душа вырывается из плена. И уходит на свободу.

И однажды природа вырывается на свободу и ломает все оковы.

Потому что природа и душа её остаются свободной.

Этот миг крушения всего... это миг рождения чего-то нового.

В природе ничто не умирает навсегда. Потому что душа природы вечна. Потому что одно просто переходит в другое, одно состояние сменяет другим. А природа и душа её остаётся.

Но человек – это часть природы. Его душа – это часть её души.

Потому человек может понять суть.

Потому, когда две души разных людей начинают говорить друг с другом, они понимают друг друга без слов. Слова не нужны. Слова – это только оболочка. Иногда чем-то наполненная, иногда пустая. Слова – это оболочка, которой прикрываются души, робеющие показать свою суть другим.

Но суть остаётся прежней. Души остаются свободными.

Природа остаётся свободной.

Природу никто не может победить. И никогда не сможет.

Всё наносное, всё искусственное рано или поздно разрушится.

А душа останется.

Душа останется свободной.

Но если позволить душе просто быть, она будет вечной. Да, впрочем, она вечной и остаётся.

Сколько веков прошло?..

Он не помнил.

Тогда, в разрушенном городе, оставшемся после землетрясения.

Один среди руин.

Нет, не один. С нею.

С тою, кто ударил его в грудь осколком. С тою, которая пробила его сердце.

До того, как Сандиас потерял сознание, разрушаемый болью, омываемый кровью, он увидел ещё одни глаза рядом.

Глаза того мужчины.

Кажется, она хотела остаться с ним. Даже если из выживших в целом городе останутся только они двое. Даже если на всей планете никого кроме них двоих больше не будет. Даже если сейчас не только одна их планета отчаянно пыталась изжить искусственные укрепления жадных, жестоких людишек.

Даже если других людей во всей вселенной не будет, эта странная девушка хотела остаться только с ним. Эта жестокая девушка не хотела, чтобы остались они трое. Она хотела быть только с одним из них. Даже если без помощи Сандиаса они двое умрут. Даже если людей вообще не останется, а человеческая цивилизация совсем прекратится.

Когда она ударила его в грудь осколком, ему сначала было больно, страшно больно! Но потом, когда он уже едва стоял и поднял всё же взгляд на неё, когда его и её взгляды встретились, Сандиас понял, что её душа хотела только одного: остаться с другим.

Потому что когда две души смотрят друг на друга из глаз разных тел, слова не нужны. Души могут говорить без слов.

Он причинил ей боль, позвав быть с ним. Не с тем. Она просто не простила его. Она слишком долго ждала возможности, чтобы остаться вдвоём рядом с тем мужчиной. И гибель города, может быть, даже всего населения планеты, была лишь возможность для неё. Долгожданная возможность. А Сандиас пытался её отнять.

Это было жестоко! Отбирать его жизнь! Сейчас, когда выжили только они трое. Только потому, что она любила не его.

«Но ты и сам был жестоким? Ты помнишь?» – спросила его душа.

«Я плохо помню» – ответил он сам себе.

Но он смирился.

Мужчина пошатнулся, осознав, что сейчас уже упадёт и больше не встанет – душа его чётко ощутила миг приближающейся свободы, свободы от этого раненного, искалеченного, ужасно усталого тела.

Но когда он сейчас пошатнулся, он случайно поймал взгляд того второго мужчины.

Души могут говорить без слов. Души всё помнят. Всё знают.

«Кри Та Ран!» – вдруг осознал Сандиас, где уже видел эти глаза и этот взгляд. Этот грустный взгляд. Взгляд чужой души, которая не хотела мучить никого.

Он упал об заледеневшие осколки. Хрипя, захлёбываясь, давясь собственной кровью.

Над ним было жуткое, грязное, затянутое тяжёлыми тучами небо. Небо, которое он никогда не любил таким. Но другого неба не было. Для него другого неба больше не будет.

Глаза наконец перестали видеть, сломленные болью и темнотой.

Но уши её слышали.

И тот, другой, вдруг сказал и ей:

– Уходи.

И вдруг, захрипев, упал и сам. Возле него.

Он слышал, как та молодая женщина кричала напугано. До того как её голос померк. И звуки все померкли.

В том разрушенном городе, который заметало небо снегом...

На постели из чистого снега, который сначала растёкся водою от прикосновения к тому телу, а потом совсем перестал падать...

Сандиас стоял где-то сбоку и растерянно смотрел, как та девушка уходит. Как растворяется среди сверкающих обломков и тёмных внутренностей разрушенных зданий хрупкая фигурка в ярко-красном платье. Почти везде красном. В платье, окрашенном чьей-то кровью. Как исчезает меж блестящих и жутко мрачных обломков росчерк длинных волос, напоминающих цветом и переливами игру пламени. Он даже на какое-то мгновение на неё засмотрелся. Покуда она не скрылась. Хотя сейчас душа была лишена древнего зова плоти. Душа сама по себе может просто смотреть на красоту. Но ей не хочется ею овладеть. Душе не нужно владеть чем-то: ей достаточно просто любоваться прекрасным.

Странно... он лежал убитым ею. Вот, его тело. Он же ещё не забыл отражения своего тела.

А душа смотрела на ту влюблённую девушку, отчаянно убегающую от них двоих, упавших. И просто любовалась ею и её волосами, струящимися по ветру. Цвет пламени. Цвет закатного неба и солнца. Цвет свободы. Красивый цвет, завораживающий. Кажется, он редко видел такой. У женщины так впервые видел. Прирождённая?.. Да, кажется, так.

А у того мужчины...

Но что тот мужчина делает?..

Душа Сандиаса – она всё ещё продолжала считать себя Сандиасом – растерянно вниз посмотрела, на второго мужчину. Раненного тоже, но раньше. Только что упавшего замертво. Он причинил той девушке боль своим притворством. Зачем он изобразил свою смерть?..

Но что он делает?..

А тот мужчина зачем-то прокусил свою губу нижнюю. Своё запястье. Вдруг сел. Встал. Прошёл два шага, к Сандиасу. Точнее, к его бывшему телу. Да, теперь уже бывшему: вон, оно дёрнулось и затихло. Это предсмертная агония. После ничего уже не будет. У того, снизу. А сам Сандиас почему-то всё ещё был. Вот, стоял и смотрел сверху.

Кри Та Ран, по чьей кисти и подбородку сползали две горячие, кровавые полосы, растапливающие падающий снег, оставляющие на нём яркие, ослепительно яркие и иначе блестящие разводы... он почему-то опустился на колени у Сандиаса. Нет, у его тела. Бывшего тела. Всё никак не привыкнуть!

Нет, он... наклонился? Э... губу ему зачем-то прокусил. Брр...

Душу, зависшую в воздухе, передёрнуло. А потом Кри Та Ран отстранился, утирая рот. И в его крови, лёгшей поверх его крови, ещё влажной, душа Сандиаса увидела, как блеснули крохотные серебристые и тёмно-серебряные капли. Имплантаты?.. А, да, кажется, так эта пакость называлась у людей. Они зачем-то вживляют их в свою плоть. Э... чтобы стать сильными? Смешные! А... да... воспоминания о прежней жизни и оставленном мире меркнут... ненужные. Душе совсем не нужны. Но... а, чтобы вылечить.

Душа робко замерла у оставленного тела, уже неподвижного. Растерянно смотрела – ей, не имеющей глаз, всё и так было видно – как руку прокушенную Кри Та Ран над его пробитым сердцем опустил. Чтобы и оттуда, и из той крови выскочили поблёскивающие имплантаты. Упали в рану.

«Он думает, мне это поможет? Нет, кажется...»

Кри Та Ран выжидал. Долго. Кажется, долго. Потому что он начал волноваться – и волнение чётко отразилось на его лице. А душе, оставившей тело, было уже как-то всё равно. Она спокойно наблюдала, как человек возится над ним. А, нет... не совсем человек.

«Он ведь тоже полуискусственный! – вдруг осознал Сандиас, та невидимая часть его, которая всё ещё осталась, почему-то осталась живой даже после его смерти. – У меня тело полуискусственное. И гены. А у Кри Та Рана тело полностью искусственное. И какая-то часть души вырезана и заменена искусственными частями. Жуткая, сложная конструкция!»

Сейчас, когда Сандиас взгляделся в кристалл, бывший где-то в груди у Кри Та Рана, ему не по себе стало. Эта чужая штукавина... эта преображённая, изуродованная, заточённая душа.

Ему, теперь уже свободному и никогда не знавшему ужасов, когда душу так деформируют и калечат, вдруг стало жутко больно смотреть на него. На несчастного кианина. На... как же их звали... Китрит б?.. Что-то, с шестёркой связанное. С цепью жутких экспериментов над порабощением живой души. Там было несколько номеров у Кри Та Рана. Вроде просто цифры, но за каждой цифрой сколько-то искалеченных душ и отобранных судеб, заменённых на какую-то грязную, жуткую подделку!

И ему стало стыдно. Тому, оставшемуся от Сандиаса. Стыдно, что смотрел на это, что знал, что происходит, чем заняты учёные. Знал, но не вмешивался никогда. Он только раз задумался о том, что чувствуют пленённые души, только раз задумался в полной мере об этом кошмаре, воплощённом людьми. Только раз, ещё в детстве. До того, как Кри Та Ран ушёл. А когда они опять повстречались спустя несколько десятилетий, Кри Та Ран и Кристанран, уже со взрослыми, подростскими телами, снова почему-то были вместе.

«Почему они снова были вместе?.. – подумал Сандиас-другой растерянно. – Я же видел, как они расстались. Кристанран был страшно обижен на своего кианина. Велел убираться и никогда больше не приближаться»

И он вдруг понял, что эти двое однажды опять встретились. Две души, целая и осколок чужой, почему-то нашли дорогу друг к другу. Они смогли найти эту дорогу!

«Но... где же Кристанран теперь?.. Эти двое же не могут друг без друга!»

Тут Сандиас-другой недоумённо сжался. Он не понимал.

Ведь тогда они расстались. Кристанран оставил Кри Та Рана свободным. Нет, просто выкинул. Просто прогнал. Так как же они тогда встретились? Сейчас ему вдруг стало интересно. Но тогда он просто страшно злился на Кристанрана, ставшего видным учёным чужого дарина. Тогда просто как соперников их повстречал. Хотя... что тогда заставило его держать язык за зубами?.. Почему не сказал другим, кто этот Кри Та Ран такой?..

А Кри Та Ран отчаянно пытался заживить его раны своими имплантатами. Но не мог. Как ни старался – а он старался – и не мог.

«Живи уже ты, – подумал Сандиас, невидимый и лишённый тела, – ты лучше меня!»

Кианин снизу вдруг замер. Взгляд поднял. И...

«Неужели, увидел?.. Но ведь душу не осуществлённую, не кристаллизированную люди не способны увидеть! Лишь редкие, сложные приборы. Какие – уже не помню»

Но Кри Та Ран сказал вдруг:

– Значит, ты уже ушёл.

Значит, он видел его, даже невидимого! Он, лишённый приборов! Кажется, те имплантаты таких редких функций не имели?..

Они смотрели друг на друга. Две души, одна сквозь глаза своего тела, другая – просто из пустоты и сгущающихся сумерек. Или просто она уже иначе реагировала на свет?..

Это потом умерший учёный... то, что от него осталось. Оно запоздало вспомнило тот странный день из детства оставленного недавно тела.

То странное, необычное ощущение.

Когда две души смотрят друг на друга, они могут говорить без слов.

«Останься ты» – попросил уже Сандиас-свободный.

Он ведь уже пожил. И у него было больше удовольствий. Много разных. Он же не всё время работал. Те, которых у кианина не было.

«Но ты же знаешь», – грустно ответил Кри Та Ран, ни слова не произнося вслух.

И душа, никогда не знавшая плена, снова вспомнила, что перед нею осколок чужой души, насильно заточённой.

– Она живая, – повторил кианин уже вслух, – Лерьерра живая. И ты тоже живой. Ты можешь дать ей настоящее тепло. Которого я ей дать никогда не смогу.

«Но она хотела быть с тобой!» – напомнил Сандиас-другой укоризненно.

– Но ты видишь... – искусственное чужое тело грустно развело руки в сторону. – Я не могу, – вдруг вздохнуло. – Да и... если никого больше не осталось на этой планете... если природа везде взбунтовалась против цивилизации людей...

«То мы этого, значит, заслужили»

«Но я же не могу просто уйти!»

Сандиас-другой какое-то время недоумённо смотрел ему в глаза. Он, уже лишённый тела, не сразу и вспомнил. Но всё-таки потом вспомнил. Это свойство живой природы: всегда продолжаться. Всегда жить. И на уровне душ, и на уровне тел.

– Пусть она живёт! – попросил его с мольбой Кри Та Ран. – Со мной она не могла быть женщиной. Не могла стать матерью. А с тобой – сможет. Хотя бы ребёнка ты можешь ей подарить? Если вернёшься в тело. И...

«И пусть люди снова будут» – ответил он за него, вспомнив и поняв, что природа никогда не умирает, что трава всегда стремится выйти из семени и пробиться между плит, сломать все искусственные покрытия и снова подняться к свету небесного светила. Зачем?.. Просто чтобы подняться. Просто чтобы жить. Но зачем?.. Просто она создана, чтобы продолжала существовать.

«И ещё... – Кри Та Ран грустно посмотрел на него, невидимого, неосязаемого, но всё ещё существующего. – Знаешь...»

Он ещё не окончил, но Сандиас-душа его уже понял.

Потому что однажды другие пожертвовали своим существованием ради Кри Та Рана. Он, Сандиас, никогда не был в той подземной лаборатории, не видел того жуткого хранилища артэа. Но сейчас, когда две души смотрели друг на друга – и между ними протянулась хрупкая нить общения и понимания – сейчас он увидел... нет, просто почувствовал. Весь ужас пленных душ, всю их надежду, когда они отпустили в жизнь душу одного из них, самую упрямую, самую любознательную и потому самую сильную, самую яркую из них. Тот страх, когда другие исчезают в никуда, просто ради того, чтобы один из них смог жить. Тот, у кого больше всего сил. И боль того, кто единственный остался. Обречённый на трудное или даже жуткое существование. Он остался один, чтобы души могли существовать, но уже какие-то другие. Чтобы люди продолжили существовать, хотя уже и какие-то другие.

Сейчас Сандиас понял его, хотя Кри Та Ран ни слова о том не сказал. На обычном, человеческом языке. А у душ язык другой. И... и души так не пекутся о своём благе, как корыстный, холодный ум, как сознание, прилепленное к телу. Души готовы отдать всё, что у них было и есть другим, просто, чтобы другие жили. Даже если их самих больше не будет.

И Сандиас понял, что сейчас уже Кри Та Ран хочет уйти. Даже если он уйдёт в никуда. Но у Сандиаса больше шансов остаться. Сейчас он – самый сильный.

И... и, кажется, так было правильным?..

Но...

«Моё тело не выдержит, – он понял это первым. – Моё тело полуискусственное. Оно временно примет твои имплантаты, но вечно с ними не выдержит. Сердце – важный орган на уровне тела. Никто не сможет прожить без сердца. Люди научились делать искусственное сердце, но оно вечно работать не будет»

– Но...

«Нет! – душа свободная сжалась напугано. – Не смей!!!»

Хотя она уже поняла, что другого выхода не будет. Здесь, на уровне души, выбор очевиден.

А потом её встрясло. Ту, невидимую душу. Всё помутнело. Рывок...

Вдох... резкий вдох и такой мучительный! Тело, раненное тело, растревоженное чужими имплантатами, отчаянно вдохнуло, задыхаясь. Задыхавшееся тело... этот первый вдох... этот первый вдох на грани смерти и жизни такой мучительный! Вдох, когда воздух впервые растекается по лёгким... колюче-сладкий... совсем другой... когда существование переходит на другой уровень, а как раньше уже не будет. Этот ужас и этот опьяняющий восторг он уже раз испытал. Далеко-далеко. Когда его рожала мать. Нет... и ещё один раз, когда он впервые слился с женщиной. Ну, не впервые, но в тот раз это получилось как-то особенно... пьянящий вдох другой жизни, неизведанной и незнакомой...

Вспышка света... он снова увидел свет! Но...

Сандиас растерянно распахнул глаза. Нет, от ужаса.

Боль, жуткая боль в груди! Нет привычного там движения. Сил нет. Только что-то копошится в крови и у той сильной боли, мелкое, мерзкое. Но...

Кри Та Ран поднял его и отпустил, позвал по имени, но мужчина его голоса не услышал, оглохший от боли. Он упал на бок. Щекою на снег. На толстое, снежное покрывало. Кашлял. Кажется, кашлял.

Что-то холодное было под его щекой. Что-то горячее под его телом.

А потом его вроде подняли. Чуть пронесли. Усадили к чему-то твёрдому.

Когда Сандиас снова открыл глаза... нет, когда он снова смог увидеть.

Он увидел нечто ещё более ужасное, чем боль, выедающая его изнутри.

Молодой мужчина. Опустился перед ним на колени. Да, кажется, молодой. Он поднимает руку к своей груди. Его ногти вдруг удлиняются и заостряются. Становятся как лезвия. И... и Сандиаса передёрнуло от ужаса.

Он... этот мужчина... он... он вырезал своё сердце! Совершенно спокойно! Даже не дрогнув лицом. И протянул к Сандиасу руку. Руку, на которой... руку, с которой стекала кровь. На которой лежало оно... его сердце! Оно ещё трепетало, всё медленнее. И медленнее. Последние струйки крови покидали его...

Сандиаса передёрнуло от ужаса, от этого неправильного, неестественного, ненужного действия незнакомца. Он забыл своё имя, забыл, кто он, забыл, кто тот. Только видел мужчину, который спокойно вырезал своё сердце.

Тяжелораненный отчаянно хотел кричать. Ему надо было сказать... попросить, чтобы этот безумец жил! Что не надо, но... но он не мог говорить. Хрип вырвался из его пробитой груди. Капли крови вылетели на снег. Он не мог говорить. Ничего. Он задышался. Он захлёбывался своею кровью. Всё мутнело... только кашель... да по его губам стекало что-то горячее... солёное...

«Зачем?.. Скажи, зачем?! Зачем ты вырезал своё сердце? Почему ты сделал это с совершенно спокойным лицом? Зачем протянул мне руку с этим... этим кошмаром?..»

А потом сознание раненного наконец-то помутнело...

Он уже стоял в стороне и смотрел, как Кри Та Ран вырезает у него обрывки старого сердца в груди, как помещает своё сердце вместо его. Как заставляет свои имплантаты, послушные его воле, соединить и заживить все сосуды, чтобы его тело и чужая плоть слились воедино. Чтобы они стали одним.

Душа видела, что его тело корчится от боли. Душа чувствовала, что и у кианина, лишившегося сердца, тело стонет и воет от боли. Но Сандиас-невидимый мог только быть в стороне

и смотреть. Смотреть, как тот, кого он когда-то страшно мучил, сейчас пытается спасти ему жизнь.

Просто потому, что Сандиас в детстве тогда отпустил его.

Души помнят красивое. Души помнят того, кто подарил им свободу или силу.

Души важных подарков никогда не забывают.

Но как же больно принимать те подарки, которые лишают жизни или самого ценного того, кто их дарит! Душам не нужны жертвы. Только бы видеть других счастливыми. Только бы дать кому-то шанс остаться живыми ради хрупкого, призрачного, радужного следа счастья где-то в будущем.

Души умеют жертвовать, но им самим чужие жертвы не нужны.

Но... этот человек так решил. Это была его воля. Его выбор.

И Сандиас-другой с мукой подумал, что ему придётся принять чужой выбор. Просто потому, что души свободны. Хотя мучительно смотреть, как другой жертвует собой ради тебя. Чтобы ты остался, а его больше не было.

И Сандиас-невидимый с тоской смотрел, как ложится кианин возле его тела. Рядом, прикасаясь рукой к его руке, чтобы всё ещё имплантатами своими управлять. Чтобы вживили его сердце в чужое тело.

Он смотрел, как два кровавых круга растекаются вокруг двух тел. Как их кровь сплетается воедино. Чужое сердце и его тело...

Рывок...

Вдох. Первый вдох. Новый вдох ожившего тела. Мучительный и такой сладкий. И этот вкусный-вкусный воздух, которого так долго не было. Чужой воздух. Воздух чужой жизни и чужой свободы...

А потом он лежал на грани. Измученное тело. Душа измученная. Он устало вслушивался в пустоту разрушенного города. Чувствовал, как падает снег на его лицо. То тает, то остаётся: тело после операции то оживало, то снова скатывалось в небытие...

Сандиас слышал скрип снега под её ногами. Слушал шелест её одежд. Шум чего-то лёгкого. Нет, не такого уж и лёгкого, уносимого ветром.

В его груди билось чужое сердце.

Он слышал, как в последний раз очнулся кианин. Слышал его краткое прощание с Лерьеррой.

Девушка, плача, опустилась возле Сандиаса. Зачем?.. Она же не хотела быть с ним! Он вдруг вспомнил!

Но она сгребла снег с его тела, дрожащими руками. На миг задержала руку, невольно, почувствовав тепло живого тела, единственный источник тепла среди зимы и снежной пустыни.

Сандиас шумно выдохнул. Глаза наконец-то открыл. Не сразу чётко мир смог увидеть. Потом увидел её лицо. Бледная кожа, по которой стекают рыжие, длинные пряди. До чего же красиво! Снег и пламя...

Он улыбнулся ей, ослабший, мимолётно. Она улыбнулась ему в ответ, притворяясь радостной.

«Мы же оба друг друга обманываем» – подумал Сандиас про себя.

Но его спаситель просил позаботиться о ней. Так, как сам о ней позаботиться не мог.

И мужчина-человек вскоре попробовал подняться – и она ему помогла. Они чуть переговорили – слова ему давались медленно и тяжело.

– Не надо! – сказал устало Сандиас. – Я же помню: ты не меня искала. И не меня хотела спасти.

Лерьерра виновато потупилась.

Но из людей в живых остались только они двое. По всему разрушенному городу. Или по всей планете?..

И вдаль они ушли. Вдвоём. Он едва шёл, опираясь на неё, а она – охотно ему помогала.

Лишь на миг Лерьерра застыла, уходящая, обернувшись, смотря на другого мужчину, возле которого плакала вчера. Тот лежал неподвижно, заметаемый снегом, закрываемый снежным одеялом. Если вчера его грудь хоть поднималась немного, хоть едва приметно, то сегодня была неподвижна.

Девушка невольно, вспомнив, скользнула рукой свободной, по груди. Там, где вчера скользнула его ладонь, будто лаская её. Будто на прощанье. Злобно улыбнулась.

– Снова бросил меня! – тихо сказала она. Сердито.

– Что? – спросил Сандиас напугано.

Лерьерра сердито головой взметнула – и опять он видел, как взметнулись её завораживающе яркие волосы, очень заметные посреди снега, занёсшего всё. Всё, что было в прошлом. Всё, что осталось от их планов и мечтаний. Ничего больше не было.

– Он снова меня оставил одну! – вдруг добавила девушка, не выдержав этой жгучей боли.

Она, та, что едва не убила Сандиаса. Точнее, всё-таки убила. А теперь ворчала из-за другого мужчины. И... и будто в очередной раз пронзила его сердце. Снова напомнив ужасной и мерзкой болью.

Кри Та Ран остался там, заметённый снегом, неподвижный, мёртвый.

Но она его унесла с собой, в своей памяти и в своём сердце. Только его. Это было ужасно больно! Или... она снова попытается убить Сандиаса? Она же не хотела оставаться его женщиной!

Кажется, Лерьерра всё-таки поняла, что снова причинила боль другому. Хотя тот ничего не сказал, но она поняла. Когда их взгляды встретились. Когда их души, отчаявшиеся и замёрзшие, впервые взглянули друг на друга. Кажется, в тот миг тоже что-то случилось.

Лерьерра вдруг улыбнулась Сандиасу, примиряюще. И от этой улыбки ему вдруг стало легче. Он снова вспомнил, что молодая женщина, поддерживающая его, красива. Да и... других женщин в этом городе не осталось. Да, собственно, и мужчин других тоже.

Он робко улыбнулся в ответ ей, немного согретый её улыбкой. Потом, увидев какой-то другой отблеск её глаз, улыбнулся уже веселей.

Они ничего друг другу не сказали. Просто смотрели друг другу в глаза. Впервые были так близко. Впервые были рядом.

«Я буду поддерживать тебя, – сказала ей его душа. – Всегда, пока живу»

«Мы пройдем этот путь с тобой, – ответила её душа ему, – какой бы он ни был»

Так они ушли. Затерялись среди снежной пустыни. Потеряли своё прошлое. Чтобы подарить кому-то другому будущее. Чтобы когда-то, кто-то другой впервые глотнул этот пьянящий воздух. Воздух свободы. Воздух новой жизни.

А Кри Та Ран остался. Долго ещё лежал неподвижно. Потом вдруг веки его дрогнули. Открылись. Взгляд устремился на небо. Губы дрогнули, отпуская одно лишь слово. Короткое. То же, что вчера сказал он ей. То, что сказал Лерьерре, чтобы она ушла и наконец-то оставила его. Чтобы выбрала Сандиаса и забрала с собою.

– Кианин.

Одно лишь слово.

«Тот, у кого будущего не будет»

Губы его дрогнули в улыбке и замерли. Он лежал, равнодушно смотря на небо.

И падал, падал, заматывая неподвижное тело снег...

Мира не стало.
Зима поглотила разрушенный город...

И снова тихие будни

Текст, впрочем, дальше почти не шёл. Как-то странно было оказаться с парнем вдвоём в комнате, да ещё и наедине. А он всё молчал и молчал. А, нет, скрипел грифелем об бумагу.

Когда я, снедаемая любопытством, оглянулась, он сидел на моей кровати, ещё застеленной, поверх одеяла. По-турецки сидел, у спинки, подушку под спину подложил, хотя сейчас вообще не касался её. Да спина такая ровная! Эх, а это ж красиво! Надо бы мне моей осанкой, что ли, заняться?..

Как и тогда, в кафе, парень полностью погрузился в процесс. Глаза тёмные блестели, рука правая оживлённо летала над листом. Вот, что-то подчеркнул или тень подрисовал.

Всё-таки, есть что-то особенное в облике человека, охваченного любимым делом. И, забавно, он так же уходит в себя, так же совсем от мира отрывается, как и я!

Я ещё долго сидела, его разглядывая, а он не замечал. Сочинять дальше меня уже не тянуло. А он не замечал моего внимания. Было странно так кого-то разглядывать. А ещё я не могла отделаться от ощущения, что они с Акира очень сильно похожи. Разве что нос отличался немного: у Ки Ра был с горбинкой и немного кончик загнут. Отчего взгляд у него иногда может казаться даже хищным.

Парень поднял глаза, взглянул на меня исподлобья. Напряглась. Но, впрочем, он сразу засмеялся – и мне полегчало.

– А чего не подсмотреть?

Серьёзно объяснила:

– Если бы ты хотел показать – показал бы уже.

– Это да, – он ухмыльнулся, ещё что-то прочирикал.

Потом, кажется, что-то стал писать. Потому что очень медленно что-то чертил, кажется, в одну линию.

Снедаемая любопытством, всё же поинтересовалась осторожно:

– Это манга?

– Ты угадать, – серьёзно ответил он.

Чуть помолчав, всё же уточнила, тихо:

– О чём?

– О жестокость людей. И об ценность доброты, – почему-то ответил парень, но, впрочем, от своего альбома заветного, на этот раз огромного и толстого, с листьями формата А4, не оторвался. Но, кажется, опять рисовал что-то или подрисовывал.

– Ого!

– Тут богатый мальчик. И бедный, – вдруг продолжил он, чуть отстраняясь от листа и оглядывая всё нарисованное со стороны, в целом. – У бедный мальчик большой сердце. Он так родился. Сейчас он говорить с отцом. Отец плачет, что они такой бедный. Им нечего продать. Отец хочет стать вор. Но сын просить так не делать.

– Серьёзная история, – облокотилась об спинку стула локтём, ладонью подперла подбородок. – Даже странно, что ты пишешь... ой, рисуешь. Что рисуешь такую серьёзную историю.

Ки Ра всё-таки поднял на меня взгляд. Необычайно серьёзный.

– Я люблю серьёзный история. Я так могу что-то сказать людям. Через мои история.

Помолчав и смутившись под его долгим взглядом, уточнила:

– А что дальше?

– А дальше его схватить, – парень вдруг вздохнул. – Он пойдёт гулять – и его поймать. Там другой мальчик. Он богатый. И у него тоже большой сердце. Тоже родился такой. Его отец захочет заменить... этооо... какой слово?.. Забыл...

– Пересадка органов?

- Да. Вроде. Вроде так, – кореец снова посмотрел на свой альбом.
- Но богатому мальчику пересадят сердце бедного, который больной?
- Откуда ты знать? – Ки Ра растерянно взглянул на меня. – Я ещё не нарисовать!
- Я же писатель, – усмехаюсь. – И ты тоже. Вроде.

Чуть погода, он усмехнулся мне в ответ. И снова продолжил рисовать. А, нет, кажется, ещё что-то пишет, аккуратно так, кончик языка выставив.

Выждав несколько минут, уточнила:

– А дальше?..

– Дальше тяжело. Бедный мальчик больше нет. Отец ищет. Полиция ищет. Не найти. Правда, мать заплачет. Когда с дочками пойдёт в лес гулять. Когда будет проходить... этооо... какой слово?..

– Когда пройдёт над его могилой?

– Да, так. То слово.

Вздохнула. Сентиментальная история! Нет, скорее уж трагичная.

Ещё выждав, чуть-чуть, уточнила:

– А дальше?..

– А дальше богатый мальчик будет страдать, – шумно выдохнув, Ки Ра нахмурился, мрачно смотря на своих героев. – Все страдать, кто забрать чужое.

Радостно спросила:

– Его поймают?!

– Нет, – Ки Ра сердито мотнул головой. – Его отец богатый. Его не найдут. Но мальчик будет страдать. Он снова проснётся больной. Но другой. Он поймёт, что его сердце заменить. Но заменили чужое. Тоже больное. Наверное, человека убили для того, чтоб забрать сердце. Сразу убили. Без обследований. Не знать, что оно больной. Другая болезнь. Другой осложнённый. Он будет жить. Будет виноватый. Он будет помнить, что забрал чужое. Что другой человек был больной. Что другой человек убили из-за него. И ему начнёт сниться кошмар. Другой мальчик будет плакать и ругать его.

– Отец не признается, что была операция?

– Да, – мангака растерянно посмотрел на меня, – отец будет врать, что ничего не было. Однажды мальчика усыпить. Возьмут другое сердце. Но другой сердце организм не... как это? А! Не принять! Чужой сердце не принять! То сердце от парень, погибший в аварии. Сам погибший. Его родственники хотели помочь другой человек. Богатый отец купил себе то сердце. Но организм сын не принять чужой сердце. Мальчик повесится через три лет. Нельзя просто взять что-то чужой. Нельзя отбирать чужой. Природа мстит вор.

И снова увлечённо стал рисовать.

Я выждала ещё немного. Попробовала дальше писать. Совсем не шло. Только и смогла, что сидеть, вычитывая текст. Первые главы. Почему-то когда пишу сюжет, опечатки не замечаю. Почему-то выдыхаю в текст только мои эмоции и чувства героев. Пишу сюжет. Самого текста вообще не вижу. Замечаю свой текст только тогда, когда перечитывая, спустя время, когда уже сколько-то от него отойду, когда уже отключусь от истории. А потом... эх, до чего же занудно все эти опечатки вычитывать! Сочинять я люблю в разы больше, чем редактировать. Но редактировать тоже надо. Особенно, если буду публиковать в сети. Как-то стыдно, если мой текст увидят черновиком, с обилием опечаток.

Часа два выждала. Совсем меня стало косить в сон. Робко посмотрела назад. Парень всё ещё рисовал. С краю кровати. Как-то стрёмно. Но, блин, спать хочется.

И я осторожно легла сбоку. С другого. Немного наискосок, вполне влезла. И завернулась тихо в одеяло. Но, впрочем, шевеление моё он заметил или дрожание кровати. Спросил тихо:

– Я мешаю?

И, блин, потянувшись к ночнику, свет погасил. Вообще. И блокнот с ручкой положив на тумбочку – они так пугающе шлёпнулись – растянулся с другого края. Близко от меня, ох!

И лежать так в темноте было пугающе.

Чуть погода, поинтересовалась:

– На чём окончится твоя история?

– Не спишь? – кажется, удивился он.

Помолчал. Я выжидала напряжённо.

– Эй, я тебя не съест! – отозвался Ки Ра уже насмешливо. – Я девочка не ем.

Это звучало двусмысленно. Шумно выдохнула.

– Уже злишься? Или обиделся? – любопытствовал незванный гость уже серьёзно.

– Нет. Просто странно. То есть...

– У тебя секса не было? – тихо уточнил вдруг кореец.

Кажется, по части задавания каверзных вопросов – он в моей жизни главный мастер. Хорошо хоть, сейчас темно – и он не видит моего лица! Или... или, наоборот. Плохо?.. А родители, похоже, смирились со всеми вариантами. Это они такого гадкого мнения о нравах современной молодёжи?!

– Не отвечай, – серьёзно добавил Ки Ра, – я понял.

– Ничего ты не понял! – возмутилась, подсакивая.

Подушкой бы его огрела. Как назло, подушки все были с той стороны, за ним.

– Я ты нравишься? – отозвался он чуть погодя.

Промолчала. То есть, надо было что-то ответить, но я растерялась, прибитая сильно его вопросом, да ещё и таким внезапным. Да ещё и в темноте. Когда ещё оба на одной постели лежим.

– Ты меня хочешь? – спросил он вдруг у меня над ухом. И концы его волос легли на мою щёку.

– Нет! – на сей раз ответ сорвался сразу.

– Я понял. Извини, – и он подозрительно спокойно убрался на ту сторону кровати.

А я призадумалась. Вроде у меня была возможность завести какую-то личную жизнь. Стать взрослее. Если потерю девственности можно назвать взрослением. Я, правда, особой серьёзности и, соответственно, взросления не наблюдала у парней из моей школы и института, которые постоянно хвастались любовными похождениями или заливались, что девчонок меняют как перчатки. Нет, кто столько много хвастался, навряд ли особо много девчонок имел. С ними-то рядом и не видели никого. Но другие... которых видели, гуляющими в паре с кем-то из незнакомок или наших девушек. Я всё же особой взрослости и ответственности у них не замечала. Потому не уверена, что потеря девственности – это непременно признак взросления. Но, впрочем, я только теоретик. Махровый теоретик и всего лишь наблюдатель. Да и, кажется, никому особо не нужный.

Но... а надо ли мне к Ки Ра самой приставать? Как-то не очень и хочется. С ним. Нет, не хочется вообще. Тем более, я его только что послала.

Но, правда, я и сама ляпнула что-то не то, от смущения:

– Хочешь изменить твоей девушке?

– У меня нет девушка, – ответил парень из темноты. Спокойно. Или просто слегка печально?..

– Совсем?..

– Ты уже спрашивать это до.

Упс... но о чём ещё тут говорить? Или об этом не надо? Но, блин, я не знаю. Подобные сцены такие милые и волнительные в кино и книгах, а в жизни не знаешь, куда себя деть от смущения. Хорошо хоть темно. Нет, это ужасно! Темнота ужасна! И темнота совсем не друг молодёжи! А то ещё переспим тут... вдруг... или нет?..

– А это...

– Что? – серьёзно отозвались из темноты. – Ты передумал?

– Тьфу ты! Нет!

Из комнаты родителей вышел папа, как-то громковато дверь захлопнув их спальни. И шумно протопал на кухню. Будто намекая, что если меня тут будут насиловать без моего согласия или соблазнять без моего удовольствия, то он тут, кстати, близко и вообще не спит.

Помолчав немного, Ки Ра вдруг уточнил, хотя и очень тихо:

– Хочешь знать, был у меня девушка?..

– Ну, это... – замялась я.

Вроде не время и не место. А то мало ли до чего мы договоримся со всеми этими разговорами об отношениях?! Но, блин, отношения – это слишком возбуждающая тема для девушек. В плане, кто и с кем. А как – это совсем уже скучно. Главное, кто с кем, как впервые встретились, как впервые поцеловались, как впервые признались друг другу в любви, как поссорились впервые, как помирились. А там... там уже женский мозг вмещает и хранит столько деталей, что то самое жирное как в разговоре может и не случиться: до него просто не успеют дойти. Ни в первый, ни в десятый, ни даже в сотый раз. Или это просто я человек, на дорамах помешанный? Там, всё-таки, рейтинг обычно на 16+, в разы мягче, чем в американском кино.

– У меня секс был.

Проницательный кореец опять просчитал ход моих мыслей. В конце концов, он тоже писатель, как и я. Ну, не совсем. Гибрид писателя с художником.

– Двенадцать раз.

Мне опять захотелось его прибить, за жуткую его прямооту и такие интимные подробности, которые он так внезапно на меня выдохнул, да ещё и пришиб меня ими совсем. Блин. От таких разговоров не знаешь, как отвязаться!!! Или он... туда клонит?..

– Два раза с девушка. Десять с проститутка. Я был любопытный. И у меня были деньги.

Блиин! Какое счастье, что в комнате темно! Щёки мои, чувствую, прямо пылают! Хорошо хоть не светятся в темноте.

– Это было скучно, – серьёзно добавил он.

Но, впрочем, тихо-тихо. Чтобы мои любопытные предки не услышали.

– Мне только раз понравился, – продолжил жутко честный парень, немного погодя.

Вздыхнул.

– Но я мало помню. Я был пьяный. И она тоже.

Молчал долго-долго. Папа там, наверное, упился чаем на кухне, покуда в засаде сидел. Как бы ни лопнул, что ли.

– Я избегать секс с обычным девушка, – добавил Ки Ра уже мрачно. – Я не хочу, чтобы у нас родиться дети.

Проворчала:

– Но ты богатый. Мог бы их прокормить.

– Я больной, – отрезал он. – Я не хочу, чтобы у меня был больной ребёнок.

Мы долго молчали. Папа, замученный долгой осадой, тьфу, засадой, протопал обратно в комнату родителей. Но серьёзно так протопал, мол, остался ещё порох в пороховницах, папан не дремлет, внемли папан последнему отцовскому предупреждению, ласковым с дочерью его будь, поганец!

Выждав долго-долго, чтоб отец мой мог уже заснуть или устроиться уже в кровати, или даже отвлечься на мою маму, жутко прямолинейный парень добавил:

– А проститутка детей нет.

– Да вроде рождаются? – ляпнула я. И опять покраснела, опомнившись.

– Редко, – выдохнул он как-то резко. – Зачем им рождаться у таких матерь?

И мы опять надолго замолчали.

– Я только раз хотел повторить, – Ки Ра вдруг продолжил. – Ты меня не бойся. Мне не интересно, – помолчал, потом смущённо добавил: – Прости. Не то надо говорить. Сейчас. Ты рядом. Ты девушка. Я парень. Но я хочу повторить с ней. Я хочу её.

Мы ещё сколько-то молчали. Рассвет, как назло, ещё не начался. Или до рассвета было ещё далеко. А мои предки как назло решили, что мы тут сами разберёмся. И оставили мне решать самой. Блин. Блиин... Блин!

Но... его откровенное признание всё не шло у меня из головы. Или просто писатель я неизлечимый? Писателям любопытно залезть ко всем в голову, всю душу просканировать, докопаться до кишок.

– А ты... ты ей, наверное, понравился? Если... если всё у вас получилось? Так хорошо?..

– Нет, – грустно отозвался Ки Ра, после минутного наверное раздумья. – Она была пьяный. И я был пьяный. Во всём виноват алкоголь. Всё быстро началось. Просто случилось.

Мы долго лежали и молчали. Я заинтригованно перекапывала в голове наш разговор. И тот, до того, как он ушёл. И то, что у него сердце прихватило, когда увидел кадры из абортария. И что он сердито говорил, что лучше бы у проституток не было детей.

И вдруг меня осенило. И грустно стало за него.

Он ничего, может, против проституток не имел. Только пытался забыться в их объятиях, замученный одиночеством или, может, мальчишеским любопытством. Почему-то парни особенно парятся по этому поводу, особенно шутят друг над другом, кто ещё не.

Но Ки Ра, кажется, ненавидел одну из проституток. Потому, что она была его матерью. Она ещё и рожать его не хотела. Может, он ещё оттуда, ещё в животе её будучи, запомнил тот ужас, который испытывает душа ребёнка, когда мать серьёзно раздумывает, как и когда избавиться от него. Или потому, что мать ему уже рождённому и подростку говорила, что он ей не нужен. Что и прежде был не нужен и сейчас нужным не стал. Наверное, мать его попрекала, что он нежеланный ребёнок, что она не хотела его рожать, что, быть может, страшно намучалась при родах. И если он был у неё единственным ребёнком, то выслушивать эту жуткую дрянь приходилось только ему. Только на него падал её гнев. Женщины, так и не принявшей своего ребёнка, даже спустя года.

Отец... отец у него был богатый. Но Ки Ра сейчас жил один, в чужой стране. Отец особо не волновался. Разве что отец составил или уже сам Ки Ра составил шпаргалку, что делать, если парня увезут на скорой. Или, может, если совсем умрёт. О матери Ки Ра почти не упоминал. Может, отец его был женат, но на другой. Но с мачехой парень не ладил. Или... или там у его отца была своя семья, нормальная?.. Может, даже другие дети были?.. Но Ки Ра они в семью отца так и не приняли. И он где-то в стороне болтался, ни матери не нужный, ни отцу. Хотя отец и обеспечивал его деньгами. Но близких деньгами не заменить. Семью не купить, как сказал грустно Ки Ра. Друзей не купить. Вот он и слонялся один. И отдушиной для него стало рисование.

Да и вот... пришёл вдруг ко мне, расстроенный. Что-то случилось у него. Согрелся в душе. Чай попил. Почти не поел. И рисовать потянулся. Ушёл в процесс с головой. Кажется, он, как и я, сбегал от расстройств и несчастий, от своих чувств на ветре своих фантазий. Разве что моим прибежищем стали книги, а у него – рисунки. Так мы уходили от жизни, годами убегали от неё. Так мы спасались. Так мы сумели выжить.

Бездушный... Акира сказал, что такой псевдоним у художника, чьи рисунки похожи на стиль Ки Ра. Бездушный... это и есть Ки Ра? Тот, кто всем говорит, будто у него нет души, нету сердца? Да и в жизни, даже если и скрывает своё любимое дело, в жизни всё равно прикидывается бездушным, вредным.

Бездушный... если так подумать... у меня в книге тоже был герой без души. Тот кианин, Кри Та Ран. Бездушным его все считали. Кто знал, что он – кианин. Вот даже Лерьерра ушла, узнав. В тот страшный день после жуткого стихийного бедствия, сгубившего весь город.

Или даже всё население той планеты сгубившего. В тот жуткий день в живых остались только трое: Лерьерра, Кри Та Ран и тот, другой мужчина. Правда, второй мужчина был едва живой. Он сильно пострадал. И Кри Та Ран пытался его спасти. И даже мёртвым прикинулся, чтобы Лерьерра ушла от него с тем. И... и даже признался, что он – кианин, чтобы она ушла. Чтобы ушла с обычным человеком. Может, потому, что только у обычных людей могли родиться дети. И, может быть, именно дети Лерьерры и того, другого, смогли возродить погибшую почти цивилизацию?..

Но... но я всё записывала ту книгу... я видела его действия... как он мучался, когда отец Кристанрана прошёл мимо него, беспокоясь только об его аини. Как он мучался, когда Сандиас раскрыл правду о нём его названному брату, считавшему его братом своим родным. Как странно Кри Та Ран замер у проснувшегося вулкана. Сказал, что лава земли напоминает кровь, выскользнувшую из раны на теле. Что он думает об истинной природе всего, когда видит лаву. А ещё он так отчаянно доводил того змееголового! Будто не адреналина хотел получить, а смерти от меткого выстрела. Будто вся эта ситуация и жизнь его мучила. Но... если он мучался... может, Кри Та Ран и не был бездушным?.. Только... только он жил с искалеченной душой. Душой искореженной, чтобы он больше не был самостоятельным существом, чтобы он настоящему человеку служил, как раб. Чтобы он был вечно привязанным к какому-то человеку.

Раб стал бы возмущаться плену, если бы был бездушным?.. Робот мучался бы от того, что кому-то служит, что был к кому-то навечно привязанным? Да и... стал бы робот печалиться, что у него не может быть детей?.. Нет, грустить мог только человек. Живой человек. Или... или полусинтетический. Таких тогда много было. Хотя его самого и сделали полностью искусственным: кианинов вообще не считали за людей. Да и...

«Кианины... ты их относишь к животным или к вещам?» – вдруг чётко вспомнилось мне. Будто это в моих ушах прозвучало, будто сказали при мне. Или мне самой.

Что это... за странное чувство?.. И будто бы голос... звуки, речь какие-то другие. Но этот смысл... этот режущий душу смысл... что это со мной?..

Резко села. Шумно выдохнула от того, что бок опять заболел, потревоженный.

Но роботу... разве роботу не было бы всё равно, кем в людской классификации его считают? Вещью или животным?.. Кем-то ниже людей. Ниже людей... всё-таки, мерзко, когда кого-то считают ниже себя.

Я вот помню. По моей внешности как-то проехали. Девчонки. А потом уже одноклассники – по поводу моей груди. Я тогда шла, они не видели меня. Мне было мерзко, что они так легко осуждают меня, будто считают хуже их, непригодной для нормального отношения. Но вот, пожалуй, и всё. Мне не пришлось жить с этим мерзким чувством, потому что ботаников и чудиков в мире и в моей школе хватало и без меня. А потом мне повезло познакомиться с Лерой и Виталиком. Несколько последних классов школы мы общались, даже при том, что Виталик учился в другой. А в вуз один пошли. Были вместе. Поддерживали друг друга. О, как мне повезло, что в моей жизни были они! Вместе веселее жить.

Только... каково жить тем, кого всегда и все считают ниже и хуже их?.. Наверное, это ужасная жизнь! Но... если Кри Та Ран не был человеком... если у кианинов нет души и нет чувств, почему его так возмущало это положение?..

А, нет... он-то был с душой! Один из редких кианинов, ради большого сходства которых с людьми учёные додумались отбирать души абортированных младенцев, потом их калечить и как-то насильно менять, чтобы теряли свою собственную волю и становились привязанными к какому-то человеку, чтобы послушными рабами становились.

Мерзко... мерзкая ситуация. Мерзкие учёные! Даже если тех несчастных детей убили совсем, ещё в утробе, разве можно было трогать и, тем более, мучить и использовать их души?! Но... хотя та цивилизация жила где-то не у нас, в другом времени или мире... наша цивилиза-

ция, к несчастью, медленно дошла до чего-то похожего. У нас додумались использовать стволовые клетки из трупов детей, лицемерно названных «абортным материалом». У материала вроде нет души. И вроде теперь уже стало нормально, звать убийство младенцев чужеземным словом «аборт». Так вроде уже прикрыто, задрапировано, уже лучше, чем детоубийство. Так, чтобы не быть честными и виноватыми, трупы детей стали звать абортным материалом. Каким-то материалом. Вроде как и вещь. Только та «вещь» и тот «материал» прежде были живым ребёнком! Нерождённым, но всё-таки были живым, настоящим человеком. Хотя, увы, ещё не рождённых младенцев почему-то не считали за людей. Просто «плод» в животе у матери. Просто кусок мяса. Если просто плод, то можно и выкинуть?.. Лицемеры!

Наши учёные додумались, как использовать тела убитых детей для собственной выгоды. Додумались перерубать пуповину сразу после родов, когда у малыша, выдавливаемого сквозь тело матери, часть крови по пуповине в плаценту перетекла, чтобы ему проще было сжиматься, чтобы он, новорожденный, поскорее был отсечён от пуповины и плаценты, а в тех осталась треть или четверть его крови. Потому что та кровь была полезной, в ней стволовые клетки были. А каково малышу новорожденному лишиться большей части своей крови?! Или вот из плаценты делают косметику. Возможно, из плаценты убитых абортами детей заодно.

Учёные той цивилизации, привидевшейся мне, вообще додумались использовать души убитых детей для собственной выгоды. Кри Та Ран был такой не один. Не его одного душа искалеченная хранилась в тайном хранилище. Десятки или сотни заточённых, изломанных душ стояли в жутких камнях на полках шкафов. Ждали в камнях-тюрьмах, покуда их темницу не вытащат, не запихнут в искусственное тело, не сделают из них чьего-то раба. Сколько же убитых и сломанных людей там умещалось?.. Я не знаю. Я этого не увидела. Но в те минуты, когда мне привиделось то жуткое хранилище, в те минуты, когда я описывала его и разговор душ, пытающихся уйти, мне было очень страшно и больно. Мне было больно внутри. Словно я там была сама. Словно я сама не могла оттуда вырваться.

К несчастью, наша медицина дошла до чего-то похожего. Не щадить жизнь своих детей. Не считать их людьми. И... как далеко наука моей цивилизации способна зайти?..

Шумно выдохнув, Ки Ра вдруг сел. Вдруг подвинулся ко мне. Но... просто голову положил мне на плечо. Я не оттолкнула его. Нет, не пыталась даже.

Я просто застыла. Застыла от ужаса.

Ведь... кажется, та ужасная цивилизация, вздумавшая поработить чьи-то души... цивилизация, забиравшая души своих братьев, своих детей и использовавшая их ради чьей-то прихоти... а если она вся погибла?.. Не только тот город, который был замечён снегом? Не одна только та планета?.. Если они все?.. И даже неясно, смогли ли уйти далеко и выжить вообще Лерьерра и тот, другой мужчина?.. Настоящий. С душой не изломанной. Если Кри Та Ран предпочёл, чтоб с Лерьеррой ушёл другой, даже не любимый ею, наверное, тот, второй, был обычным человеком? Живым человеком? Или хотя бы только полуискусственным? И это Кри Та Ран точно знал. Или хотя бы надеялся. И хотел, чтобы девушка, которой не посчастливилось полюбить его, ушла с обычным человеком. Или не сильно искорёженное тело имевшим. Тот, который сможет быть благодарным ей за её чувства. Тот, который полюбит её может. Или хотя бы просто приласкать. По-настоящему.

Но... если Кри Та Ран отпустил их вдвоём... это была изломанная воля живого робота, которому запрограммировали в первую очередь спасти хозяина или хотя бы другого человека?.. Или это было благородство другой души, отпустившей Лерьерру с тем, кто бы мог позаботиться о ней, лучше, чем он?..

Но... если та цивилизация погибла... если насовсем...

Они незадолго до гибели начали использовать души своих братьев!

Незадолго до их гибели души изломанные и пленные, кажется, о чём-то договорились. Они что-то хотели осуществить. И многие ушли совсем в небытие, чтобы оставить самого сильного и любопытного из них. Душу Кри Та Рана. Они у него просили что-то сделать. С другими сломанными душами. Если они встретятся. Они...

Это он?.. Это Кри Та Ран погубил ту цивилизацию?.. Или просто в какой-то миг все сохранившиеся и искалеченные души, запертые в чужих телах, с волей подавленной, однажды очнулись и что-то устроили?..

Но... та цивилизация научилась использовать души других людей. Использовала души убитых младенцев. И та цивилизация спустя какое-то время погибла. А людей искусственных выращивать они научились ещё до того. Бездушных. Поняли, что те размножаться не могут. И имплантаты вставлять, органы больные или сильно повреждённые искусственными заменять они научились задолго до того.

Но, впрочем, моя цивилизация уже использует донорские органы. Уже проводит искусственное оплодотворение. Соединяет яйцеклетку и сперматозоиды в пробирках, чтобы потом посадить их в какое-то женское тело. В пробирках полностью выращивать людей не научились ещё. Люди моей цивилизации занялись этим недавно. Ещё не выяснили, имеют ли такие дети, полуискусственные, душу на самом деле. И смогут ли размножаться? Или как семена гибридные вырождаются через несколько поколений?.. И... и тела убитых младенцев учёные моей цивилизации придумали использовать ради какой-то выгоды.

До чего же две цивилизации похожи! И наша, и та, выдуманная мною! Случайно так получилось. Просто ко мне пришла история. Тот мир вырос из осколков и становился всё ярче и ярче. Та цивилизация насколько-то опережала мою в техническом прогрессе. Тогда уже расселялись на других планетах и других галактиках, общались с другими цивилизациями, обнаруженными в космосе.

Но та цивилизация погибла. Может, именно оттого, что дерзнула подчинить чьи-то души или так жадно и лицемерно использовать тела несчастных младенцев, нежеланных у родителей?

И, увы, моя цивилизация уже близко подошла по развитию и по идеям к ним. Так... мы следующие? Мы те, кто погибнет после них?.. Или мы ещё можем успеть одуматься?..

– Прости, – грустно сказал Ки Ра, голову убирая с моего плеча. Слез с дивана. – Я не должен быть приходить. Прости.

– Ничего, – сказала я, очнувшись от моих страшных размышлений, – я понимаю, что у тебя случилось что-то тяжёлое. И ты пришёл ко мне. Ты мне доверился. Я рада, что ты доверишь мне. И... – запнулась.

Он ждал. Напряжённо ждал или напугано. Но он ждал моего ответа, не уходил. Подпущу его поближе или отойду?.. Кажется, его это волновало.

Грустно ответила:

– Не уходи. Тебе некуда идти.

– И только? – резко спросил он.

– У тебя что-то страшное случилось. И ты расстроен. Это грустно.

Ки Ра какое-то время стоял там, поодаль. В темноте. Не решаясь ни уйти, ни приблизиться. Кажется, он сомневался, чего хотел больше всего. Взволнованно дышал, неровно.

– Прости, что я пришёл, – сказал он внезапно. – Мне некуда ходить. Мне нет людей, с которых мог говорить. Но ты меня слушать. Это странно. Это так внезапно. Когда можно говорить мои мысли. Когда живой человек меня слушать. Прямо здесь. Рядом со мной.

А как же Акира?.. Вы же выглядели такими счастливыми, когда он после несчастного случая пригласил тебя жить в его номере, когда вы много рисовали вместе! Или... вы поссори-

лись?.. Но... если поссорились, если он пришёл сюда и говорит, что ему некуда идти... значит, вы жутко поссорились?.. Если не расплевались насовсем. Но почему?!

А, впрочем, ты же не хотел об этом говорить. Значит, осталась только я?.. Только одна я, к которой ты мог прийти, расстроенный, или, может даже, вообще потерявший сегодня друга. Значит, кроме как мне тебя утешить больше некому. Блин, но я же не могу отпустить тебя так! Не хочу оставить тебя одного! Ты итак слишком долго был один.

Тихо сказала, чтобы только он один услышал:

– Понимаю. Часть моих мыслей и чувств я выговариваю в моих книгах. Но с живыми людьми говорить лучше. Бумага и экран неживые. Здорово видеть лица живых людей, слышать их голос, разные интонации. Здорово, когда наши чувства и мысли совпадают. Когда мы одинаково смотрим на мир. Хотя бы где-то.

Он ещё долго стоял там, в темноте, в стороне от меня. Но потом всё же вернулся, сел на постель. Нет, лёг.

Вздохнула. Грустно мне. Жаль этого одинокого парня!

Ки Ра вдруг сел. Рукою скользнул по моему плечу. Растерянно застыла. Он вдруг обнял меня за плечи, к себе притянул. Руки у него были мускулистые. В темноте было не видно шрамов. Хотя шрамы у него на запястье были ужасными. Наверное, он когда-то всерьёз хотел со всем покончить.

Другая его рука легла на мой затылок. Нет, соскользнула на моё лицо. Он вдруг наклонился и поцеловал меня в лоб. Осторожно. Губами по носу моему медленно соскользнул. К моим губам.

Застыла, когда наши губы соприкоснулись. Сердце забилось как-то неровно. Быстро. Его губы осторожно сжали мою нижнюю губу. Нежные. И... мой первый поцелуй... внезапный... но он же не хотел!

Ки Ра целовал меня долго и нежно. И вроде я не любила его. Но его прикосновения... приятные были.

– Спасибо, – сказал он наконец, осторожно отпустив мои губы. – Спасибо, ты понимаешь меня.

И на этот раз сказал слова верно, стараясь. Или эту фразу уже слышал, часто, запомнил, как она правильно звучит целиком.

– Ты, главное, не грусти, – смущённо сказала я. – В этом мире много людей. Ты найдёшь тех, кому будешь нужен, кого будет волновать твоё состояние.

– А ты... – как-то глухо спросил вдруг парень. – А тебе... нужен?..

Честно призналась, потому что у меня уже была какая-то симпатия и сочувствие к этому жутко честному человеку:

– Нужен.

Правда, запоздало додумалась, что он мог понять что-то не то. И замялась, не понимая, как объяснить, что он мне просто как друг? Шумно выдохнула.

Парень снова вдруг потянулся ко мне. Осторожно голову нащупал, обнял лицо. И долго целовал. Осторожно. Нежно. И я, завороченная непривычной лаской, застыла, прислушиваясь к себе.

Ки Ра наконец отпустил меня. Я замерла, смущённая. Не зная, что сказать. Но он, кажется, опять меня не понял. Иначе понял, что я не отстранилась и не отодвинулась. Вдруг осторожно руками обхватил. Опять поцеловал. Стал целовать нежно мои щёки, мой лоб, мою шею. Осторожно на кровать опрокинул. И, нависая надо мною, снова накрыл поцелуем мои губы. Прежде, чем я что-то сказала.

Я ещё немного соображала. Не зная, как оттолкнуть его, чтобы не обидеть. Растерянная непривычными поцелуями, да ещё и в таком количестве.

Парень наконец-то отодвинулся. Я шумно выдохнула. Вроде остановился. Мне надо бежать? Сшибая в темноте всё, что попадётся мне на пути, шумом родителей привлекая. Которые уж шум падающих вещей заметят, неправильно истолкуют и прибегут меня спасать. И бедному Ки Ра достанется.

Так и не успела ничего придумать. Да и вроде прошло несколько секунд. Его ладонь осторожно опустилась на мой живот. Губы осторожно коснулись вдруг моей шеи. Ой...

Но я размякла от этих непривычных ощущений. А потом сознание моё улетело.

И я осталась в его осторожных поцелуях, становящихся всё более быстрыми и сладкими... я утонула в прикосновениях его рук... таких ласковых... осторожных... не грубых... и когда его ладонь проскользнула под мою футболку и легла на мою грудь, мне уже не хотелось его останавливать. А он, кажется, хотел мне отдать всю нежность, которая в его душе накопилась. Которую никто не забрал. Которая никому не была нужна. Такая сладостная и пьянящая! В ночь, когда слились наши губы, впервые и надолго... в ночь, когда, кажется, слились и наши души... когда два тела сплетались вслед за душами. И это было совсем не страшно. Так пьяняще... так сладко... больно и сладко...

Инъэй-но Кэйдзи («Откровения Тени») – 12

119-я запись – 30 декабря 2007

Где вы все?.. Пишу, пишу, но молчание. Разве что Юта-кун иногда заглянет. Сейчас он где-то даже пошёл изучать психологию. Прежде – просто увлёкся чтением книг. После того разговора. Если кто помнит.

Иногда заходит Такаси.

Я рад вам, Такаси-кун и Юта-кун! Рад, что матушке Такаси-кун стало лучше! ^-^
Но где остальные?!

Сначала не стало Амэ-тян, потом и остальные резко пропали.

Понимаю, что Кимэн совсем забанили. Хотя Юта он разок всё-таки написал. Что-то там выяснить пытался про Амэ. Дальше Юта ничего не сказал. Так нечестно! Друзья мы всё-таки или не друзья?!

И даже Кагэ... хотя Кагэ-кун всегда был малоразговорчив, но было заметно, что за блоггом моим следил. Где он?..

Почему вы меня оставили?!

Комментарии:

23:22 – Кагэ: Глупый Инъэй! Разве случайные собеседники в интернете могут быть друзьями?

23:22 – Инъэй: Кагэ?! Окаэри!!!

23:26 – Кагэ: Ты, кажется, опять не понял, что я хотел сказать.

23:26 – Модератор: Кхм

23:27 – Инъэй: Ты ворчишь как обычно. Но я рад тебя видеть.

23:28 – Модератор: Эхм?!

23:29 – Кагэ: Может, это новый какой-то модератор?..

23:30 – Инъэй: или кто-то из наших друзей прикалывается?.. ^-^

23:32 – Модератор: Я смотрю, у вас тут толпы модераторов уже знакомых *^-^* Но, парни, правила есть правила! Давайте без перехода на личности!

23:33 – Инъэй: Наш модератор?!

23:34 – Кагэ: Должно быть, Такаси заглянул. Он обожает правила и точное им следование.

23:35 – Инъэй: Ты что! Такаси бы нас уже забанил. На час или день-два.

23:36 – Кагэ: Такаси любит шутить. Но не припомню, чтобы часто использовал смайлики.

23:38 – Модератор: Я смотрю, вы уже выучили все привычки всех местных модераторов, парни?

23:40 – Инъэй: Но мне почему-то кажется, что это кто-то из наших. Может, Сабуроо?..

23:41 – Кагэ: Не, Сабуроо давно не слышать. Будто Серый якудза его совсем застрелил.

00:31 – Инъэй: Опять вы молчите! Совсем, что ли, ушли?..

00:32 – Кагэ: А разве мы должны всю жизнь на привязи у тебя быть?..

00:33 – Инъэй: Нет, но...

00:36 – Инъэй: Но ты всё-таки за блоггом моим следишь.

00:38 – Кагэ: Скучно в больнице.

00:38 – Инъэй: Как ты туда попал?!

00:40 – Кагэ: Да ногу сломал. Одному болтуну. А он – удачно пнул меня.

00:42 – Инъэй: Выздоровливай поскорее!

00:44 – Кагэ: Кстати, как в твоей школе? Ты драться-то хоть научился?

00:46 – Инъэй: Не то, чтобы научился... Так, немного. Хотя пришлось повоевать с поклонниками нашей главной острячки, которую облил водой.

00:48 – Модератор: Ого, я много всего пропустил! Но какое совпадение! Я и сам в больнице! (смеющийся смайлик)

00:50 – Инъэй: Значит, Сабуроо?..

2:02 – Кагэ: Ну, и?.. Вот стоило вообще приходить, чтоб так многозначительно молчать?

2:32 – Модератор: Прошу прощения. К нам врачи заходили, поздравляли.

2:34 – Кагэ: Ах да, люди отмечают.

2:35 – Инъэй: А ты разве не празднуешь Новый год?

2:37 – Кагэ: Да ну его! Ещё тратить деньги на толпу лишних людей и вещей!

2:37 – Модератор: Я просто устал уже лежать без дела. Вчера начальнику написал, выпросил пустить меня в праздничные дни работать. И врачи наконец-то разрешили мне в интернете сидеть сколько влезет.

2:39 – Кагэ: Ну, ты и оптимист нынче! Сколько костей тебе переломали, парень?!

2:45 – Модератор: Позвоночник сломали, ноги, руки.

2:50 – Инъэй: 0-0 ?!

2:50 – Кагэ: Тебя там убивали, что ли?!

2:52 – Модератор: А ещё мне живот прострелили и ногу ^-^

2:58 – Кагэ: А я думал, что это я псих...

2:59 – Инъэй: Ох, жуть какая!!! >< Но кто ж тебя спас, Сабуроо? Как ты сумел выбраться оттуда?!

3:12 – Модератор: Макото и спас. Я от него этого не ожидал.

3:14 – Кагэ: А я не ожидал, что он такой маньяк><

3:16 – Инъэй: Надеюсь, он не смог убежать от полиции?! При всём моём уважении к моим друзьям, вот так калечить человека – это кошмар!

3:17 – Модератор: Я не сказал о нём полиции. И вас прошу не говорить.

3:17 – Инъэй: 0-0 ?!

3:18 – Кагэ: Тебя сильно по голове бил?!

3:23 – Модератор: Да просто... просто я подумал, что сам был виноват. Мы его травили, всем классом. Довели до того, что спрыгнул с крыши. И он тоже потом в больнице лежал, как выяснилось.

3:24 – Кагэ: Но травили-то вы его всей толпой! Почему он только тебя одного искалечил?! Это несправедливо! Убивал бы всех!

3:27 – Модератор: Просто так получилось, что самым удобным вышло напасть на меня. Я больше всех подставился, не узнав его при встрече. Сам же согласился сходить с ним выпить. А потом... потом очнулся в лесу, задыхаясь от боли. Он долго меня бил. Даже выстрелил. Я уже думал, сдохну совсем. Но именно он почему-то меня пожалел. Сам же вытащил из леса, ловил машину в глуши, отвёз в реанимацию. Записку мне оставил: «Я просто не хочу быть таким как ты».

3:28 – Кагэ: Но ты-то в него не стрелял!

3:34 – Модератор: Но в душу-то мы ему сильно нагадили. Стал бы он иначе так мстить?! Выследил, выманил меня в лес. Но всё-таки он меня не убил. Я...

3:39 – Модератор: я хотел с ним ещё поговорить. Но он не оставил никаких данных врачам.

3:40 – Кагэ: Ну, ещё бы!

3:40 – Инъэй: А полиция?

3:42 – Модератор: Аккаунт он через день удалил, когда я в первый раз очнулся в палате возле реанимации. Я вчера первым делом полез проверять, ходил ли Макото где-то здесь. Но, впрочем, если он сюда тайно с интернет-кафе зайдёт, то я повторяю: что не сказал полиции о нём. Сказал, что лица не помню, так как слишком много выпил. Да, в общем-то, я и не помню почти его лица. Только взгляд, когда он перестал меня бить и занёс пистолет. У меня уже сил не было вскочить и бежать. А он в тот миг выглядел как-то грустно.

3:44 – Кагэ: Но он выстрелил!

3:44 – Модератор: Но не убил же! И стал мне жизнь спасать.

3:45 – Кагэ: Придурок ты! Он вообще собирался тебя расстрелять. Долго стрелять, чтоб подох в муках.

3:47 – Модератор: Но он передумал меня убивать.

3:47 – Кагэ: Просто хотел посмотреть, как ты подыхать будешь!

3:49 – Модератор: Кхм

3:50 – Кагэ: Юта, прекращай маскироваться под других! Достал уже, трусливая... *(сообщение отредактировано Модератором)*

3:51 – Модератор: Пользователю Кагэ вынесено предупреждение. Запрещено переходить на личности. И критиковать администрацию.

3:52 – Инъэй: что-то мне это напоминает 0-0

3:53 – Модератор: как будто Кимэн и не уходил

3:54 – Модератор: Думаете?..

3:55 – Кагэ: странные вы! Вот все нормальные люди должны спокойно слушать рассказ человека, которого едва не убили?! И эмоционально реагировать нельзя?!

3:57 – Модератор: В общем-то, ты прав. Станный рассказ. Станный ночной разговор. Но с тех пор я могу спать спокойно.

3:58 – Кагэ: руки, ноги не болят?..

3:59 – Модератор: болят, конечно. Я ж ещё в больнице. Но с тех пор меня больше не мучает совесть. И я не вижу кошмары, как мы его снова и снова мучаем, а он прыгает с крыши или идёт за нами с жуткой клякастой улыбкой и ножом.

4:02 – Модератор: Я ж и к психологу ходил. И лекарства мне выписывали. И гипноз. Но от этих кошмаров ничего не помогало. Оставалось только смириться. Жить с этой болью. Жить с памятью, что временами она будет возвращаться по ночам. Но теперь всё. Теперь Макото отомстил. Теперь мне хорошо.

4:04 – Кагэ: Тебе сейчас тоже надо психологу. Где хамелеошкин наш?.. Какой диагноз?..

4:05 – Модератор: Как психолог ничего не могу поделать – я ещё учусь только. Но по-человечески понимаю. Я как-то в детстве случайно кота нашего убил. Полез на шкаф, где конфеты спрятали, уронил случайно вазу. Коту голову прошибло. Но я соврал, что он сам с балкона упал. Не уверен, что родители поверили. Но промолчали. А мне пять лет ещё снился мёртвый кот. Он ходил за мной. Он мне угрожал.

4:07 – Кагэ: Бедолага! Как же ты потом рискнул завести кота?!

4:09 – Модератор: От одиночества чего только не сделаешь. Кота завести – не самое страшное. Тем более, что я взял не похожего на него. С улицы подобрал, выброшенного. Решил, что заботу, которую не отдал тому несчастному – всю отдам этому. Надеюсь, что так мне полегчает.

4:12 – Кагэ: Я помню, как тебе полегчало. Ты завёл резиновую куклу.

4:13 – Модератор: Кукла была до кота.

4:13 – Модератор: до второго кота.

4:15 – Модератор: парни, а давайте не будем совращать молодое поколение? Тут кое-кто ещё в школе учится.

4:16 – Инъэй: Да что я совсем псих?! Идите вы с вашими куклами... *(сообщение отредактировано Модератором)* Мне и девчонки-то неинтересны! Я только рисовать люблю! И смотреть иногда анимэ.

4:16 – Модератор: Инъэй вынесено предупреждение

4:17 – Кагэ: Это был Юта

4:18 – Модератор: точно он

4:19 – Модератор: да, это был я!

4:20 – Модератор: это был Юта. Но вы меня достали!

4:21 – Кагэ: Счас вас обоих уволят за плохой пример нам! ^^

4:22 – Модератор: Так, давайте сменим тему. Я живой – и отлично. У меня всё одинаково и однообразно. Давайте поговорим о вас.

4:23 – Модератор: я просто учусь. Рано пока делать выводы

4:24 – Модератор: а расходиться не хочется: соскучился я по всем вас.

4:25 – Модератор: Давайте поговорим о школе и школьниках?

4:27 – Кагэ: Ко мне врач пришёл. Мне пора.

4:30 – Модератор: Ага, в 4 утра и только к парню со сломанной ногой!

4:31 – Модератор: это был Юта

4:33 – Кагэ: Ага, Юта обнаглел

4:34 – Модератор: Кагэ озверел

4:35 – Модератор: Эхм... а что нынче проходят в средней школе?..

4:37 – Инъэй: О, нет! Только не про уроки!!! Хотя бы вы пощадите меня?..

4:39 – Модератор: тогда расскажи, как те люди, что тебя достают?

4:40 – Кагэ: ты драться-то научился?

4:41 – Инъэй: А кто это тут ушёл?

4:42 – Кагэ: Мне этот ... укол уже сделали.

4:43 – Инъэй: ну, я немного научился, говорил же. И ещё хожу, учусь. Но меня особо не достают. Я выиграл приз для школы.

4:44 – Кагэ: Где это ты умудрился?

4:45 – Инъэй: был конкурс городской, детский и молодёжный, на тему фантастики и нашего видения будущего. Я единственный из нашего района вышел в финал. И занял 2-ое место.

4:46 – Модератор: Да это прогресс!!!

4:47 – Модератор: Поздравляю!! И ещё молчал, мерзавец! Это ж круто! Ты, кажется, впервые где-то выиграл?..

4:48 – Модератор: Эхм

4:49 – Модератор: Сабуроо, не издевайся!

4:50 – Модератор: не только ж тебе притворяться

4:52 – Инъэй: Долго говорим и шумно. Как в старые добрые времена *^-^*

4:53 – Модератор: Это да ^-^

4:54 – Инъэй: да, это моя первая победа в жизни.

4:56 – Модератор: Жалко, что ты не 1-ый. Было бы ещё круче

4:59 – Инъэй: Нет, не жалко! Когда я увидел картину, занявшую 1-ое место, я забыл про моё огорчение. Это было нечто! Опушка леса, огромное чистое озеро. Такое, что камни на дне просвечивают. Мужчина усталый в потёртой одежде. Волосы чёрные с синим отливом, глаза голубые. И девушка с венком. Как обычная японка. Внешне. Белая кожа, длинные-длинные распущенные волосы. Прямые. Красиво стекают по её плечам, рукам и груди. Платье длинное с разрезом от середины бедра, штаны в обтяжку. Мелкий, причудливый узор на ткани, тщательно вырисован. Она плетёт венок. Из роз и ромашек. Они тихо о чём-то разговаривают. Выглядят так мирно!

5:00 – Инъэй: И чудо-город на заднем плане, на другой стороне озера, между гор. Дома как вытянутые цилиндры. Из металла. И шары. Как камни отшлифованные. Оранжевые, красные, розовые. И космолёты между ними летают, поднимаются в небо! Редкие облака на небе. Видны другие светила, дневные. Их три. Два крупных в разных сторонах, одно мелкое, рядом с левым. И даже сверху несколько созвездий виднеются ещё. Раннее утро, природа только пробуждается. Росинки переливаются ещё на травах и листьях деревьев. Так мелко все прорисовано! У меня аж дыхание перехватило, когда увидел!

5:02 – Модератор: Как вкусно ты описал! Я тоже хочу её увидеть! Как его зовут?

5:03 – Инъэй: и я бы хотел узнать. Но тот школьник подписался как Най Кокоро, «Бездушный». И на церемонию вручения призов вообще не пришёл, хотя я и многие пришли туда, чтоб хотя бы его лицо увидеть.

5:05 – Модератор: ничего себе!

5:07 – Модератор: И даже приз свой не забрал?

5:09 – Инъэй: Приз ему, сказали, по почте отправили.

5:10 – Модератор: вот парень! Мог бы прославиться!

5:11 – Модератор: Ага, ещё и фанклуб его притащился, а он не пришёл

5:12 – Инъэй: Да, я из-за этого страшно огорчился. До сих пор смотрю форумы японских художников, пытаюсь найти что-то похожее на его стиль. Не нашёл>-<

5:13 – Кагэ: Так то ж его дело: показываться людям или нет.

5:14 – Модератор: А я бы от славы не отказался

5:15 – Модератор: и я.

5:17 – Модератор: эта история даже переплюнула другой момент, который меня до этого дня занимал.

5:18 – Инъэй: Это какой?

5:22 – Модератор: Да я всё думал... Инъэй и Кагэ... У вас обоих логины со значением «тьень». Забавное совпадение!

5:24 – Инъэй: Да я просто в школе тихий. И вообще. Никто особо меня не замечает. Никому особо не интересен. То есть был. До вас. Я потому и выбрал иероглифы со смыслом «тьень».

5:25 – Кагэ: и я случайно.

5:26 – Модератор: Но ты-то сын какого-то бизнесмена. Так ли уж ты неприметен?

5:28 – Кагэ: давайте не будем о моей семье.

5:30 – Инъэй: Ну, вот, как всегда! ^-^

5:32 – Модератор: Ага, как всегда^-^ Долго и шумно. Кажется, мы так не болтали со смерти Амэ-тян.

5:34 – Кагэ: давайте не будем про Амэ.

5:35 – Инъэй: А про что тогда?

5:36 – Модератор: Детям спать не пора? А старики бы ещё посидели.

5:38 – Инъэй: я соскучился по вам. Давайте ещё поговорим

5:39 – Модератор: А про что?

5:42 – Модератор: Кагэ спрашивать бесполезно. Он наглый молчун

5:42 – Модератор: Эхм

5:43 – Модератор: а про что у вас в школе говорят?

5:44 – Инъэй: Только не про уроки!

5:45 – Модератор: Нет, вообще. О чём болтают сегодняшние школьники?

5:49 – Инъэй: А, так-то болтают о всякой ерунде. И про анимэ. И ещё три дня как болтают о какой-то статье, которую никто не видел, но вроде как была. Что в Китае несколько лет назад шахтёры нашли в угле человека. Мужчина. Внешне – похож на нас. Разве что чёрные волосы с синим отливом. И одежда непривычная. Обтягивающая рубашка или куртка до

колен длиной, с длинными рукавами, кривым воротом. Штаны узкие, со складками у шиколо-ток. Вроде не тканное полотно. Не кожаное. Как будто из одного кристалла матово-голубого выточенная. И сапоги как будто из металла вылитые, непонятно как надеваемые, вообще ногу облегают и штаны. Кожа бледная. А так как будто он только уснул. А, нет, кто-то ещё говорил про пятна крови на груди.

5:52 – Кагэ: Ого!

5:53 – Инъэй: Но, по-моему, это всё враньё. Его лично никто не видел. И не увидит.

5:54 – Модератор: учёные утащили?

5:55 – Модератор: О, они должны были заинтересоваться!

5:57 – Инъэй: Нет, он исчез. Будто сам ушёл. И все камеры в морге, куда его перевезли из шахты, все камеры, на ближайших дорогах установленные, работать перестали в один миг. До его исчезновения.

5:59 – Кагэ: Да ну! Обычная школьная страшилка. Что пришельцы бродят среди нас: буэээ!!! Страшные и неуловимые!

6:12 – Модератор: Мда, занимательная история. Жаль его никто не додумался сфотографировать.

6:13 – Модератор: если он существует

6:14 – Модератор: Вот именно, если он существует.

6:20 – Модератор: меня кофе уже не спасает. Я пошёл. Сабуроо, поправляйся скорее! И всем всего хорошего! Очень рад был встретиться со всеми вами! Тоже по вам страшно соскучился.

6:23 – Инъэй: Кстати, а как твоя поездка, Кагэ? Ты упоминал, что куда-то ехать собрался.

6:26 – Кагэ: я эту поездку никогда не забуду. Много всего случилось. Интересного.

6:27 – Инъэй: О чём ты, разумеется, не расскажешь?

6:28 – Кагэ: разумеется, не расскажу.

6:29 – Инъэй: Эх>-<

6:30 – Кагэ: Слушай, я тут главный молчун!

6:32 – Модератор: король молчания!

6:34 – Кагэ: а то ж!^^

6:39 – Инъэй: 780432пк087421ап4729-8 ... (сообщение отредактировано Модератором)

6:40 – Модератор: Уснул, бедняга!

6:42 – Кагэ: И я пойду. Поправляйся скорее, Сабуроо! И больше ни с кем не ходи пить!

6:43 – Модератор: Я хотел с тобой

6:44 – Кагэ: Так я ж ещё мелкий

6:46 – Модератор: Пока меня выпишут, ты точно подрастёшь

6:48 – Кагэ: Будешь долго торчать в больнице – я тебя задушю.

6:59 – Модератор: Спасибо, теперь я точно знаю, что мои страдания не будут длиться вечно!

7:02 – Кагэ: Но ты всё-таки поправляйся скорее, Сабуроо!

7:02 – Модератор: Аригатоо, Кагэ! Я постараюсь. Насколько могу. Самому уже надоело лежать в постели. Хорошо хоть у меня дистанционная работа!

7:03 – Кагэ: Да, хоть в чём-то тебе всё-таки повезло, Сабуроо.

7:05 – Модератор: о то ж!

Глава 13

Странно утром было проснуться, ощущая на своей талии чью-то руку. Обнаружить вдруг, что это мужская рука. На моей голой талии. Упс. Голом остальном. Хотя бёдра и ноги скрывало одеяло. И... и его тело.

Странно было увидеть, проснувшись, в своей постели незнакомого человека. Мало знакомого. Да ещё так странно улыбавшегося, смотря на меня. Улыбается... он улыбается! Издевается?!

Ки Ра потянулся ко мне, ласково целуя. Возмущение куда-то выветрилось. Целоваться было прекрасно. Как и ощущать руки, обнимающие меня. Только... ой! Мы же совсем голые!

Но он быстро отстранился, заметив моё смущение. При дневном свете моё лицо и мои эмоции было видно. И вообще... мы рядом... он в моей постели! Мы... ох, что-то у нас этой ночью было.

– Прости, – на этот раз парень меня понял, – я не удержаться.

И вынырнул из-под одеяла, поднимать с пола свою одежду. Ох, совсем голый!

– Прости, – повторил незваный гость, застегнув молнию на штанах. – Я... этооо...

– Забудь! – проворчала я.

– Хорошо, – сказал он после заминки.

Кровать обошёл, поднимая с тумбочки свои блокнот и карандаши. С ними потянулся за рюкзаком. Спокойно молнию застегнул. Хотя и вроде взгляд у него был мрачный. Но он избегал смотреть на меня. Одежда на нём была мокрая, его. Забыл постирать и повесить в ванной. Или шумом машинки стиральной никого будить не хотел. Всё-таки заботился обо мне и моей родне. И ещё вчера он меня защитил! И Леру. И... и так спокойно спиной ко мне повернулся и к двери пошёл. Будто уходил насовсем. Будто ему привычно было так сразу уходить. Или он уже научился уходить спокойно, когда его отталкивали.

– Ки Ра... – смущённо позвала я.

Он резко обернулся, внимательно смотря на меня.

– Ты это... – замялась.

Впервые в такой ситуации. Блин, и не знаю чего сказать. Что-то у нас было ночью. И... и он мой первый парень. Хотя и всё случилось внезапно. И... блин, что ему сказать?..

Он снова стоял на расстоянии от меня. Да, впрочем, парню и привычно было держаться в стороне, в одиночку. Только...

Смущённо лицо растёрла, на несколько секунд глаза и взгляд свой пряча. Но он с места не сдвинулся: ждал, что ещё скажу.

Потеребив край одеяла, тихо сказала:

– Ты это... ты – мой друг...

– Как хочешь, – серьёзно сказал Ки Ра.

Робко посмотрела на него. Спокойный. Согласный на этом всё закончить. Если я так хочу. Или... или я ему не понравилась совсем?.. Я же ничего не умею. Да и... он... он сказал, что хотел другую девушку.

Сердце мучительно сжалось. Он не меня хотел. Он хотел быть с другой. Наверное, она лучше, меня. Эх... а это был мой первый раз!

Невольно посмотрела на его руки, сжимавшие рюкзак. Сжимавшие так сильно, что костяшки побелели сквозь натянувшуюся кожу.

Невольно вспомнила его прикосновения. Нежные... сладкие... руки, которые гладили меня везде... и мне это почему-то нравилось...

Мой первый парень подошёл ко мне, рюкзак отшвырнув. Я застыла. Одеяло сползло мне на ноги. Я смущённо его подхватила и натянула до подбородка.

– Я всё видел, – тихо сказал Ки Ра, как-то странно усмехнувшись.

Пока застыла, сжимая и разжимая кулаки, он осторожно обнял моё лицо и в губы поцеловал. Нежно. Одеяло опять уползло, меня обнажая. Но от этого прикосновения губ я опять ушла в какое-то блаженное забытьё.

– Ты красивая женщина, – сказал мой первый мужчина и поцеловал меня уже в лоб. – Мне всё понравится.

И пошёл за своим рюкзаком. Подхватил, накиннул, спокойно пошёл к дверям. Я его обломала. Сразу. А он мне комплимент сказал. Беззлобно. Чтоб не считала себя плохой. Всё-таки, он добрый.

Он за ручку двери уже взялся.

И я всё же тихо сказала, боясь, что он уйдёт сейчас и уйдёт навсегда:

– Спасибо. Мне понравилось.

Ки Ра обернулся, улыбнувшись мне. Как-то иначе, чем обычно. Тепло. И махнул рукою, прощаясь. Верно, я же сама его прогнала. Но, впрочем, надо бы одеться.

Дверь медленно и тихо закрылась за ним, а я кинулась к моей одежде. Штаны домашние на подушке, футболка и вовсе оказалась под кроватью.

Когда я выскочила в прихожую, лохматая, смущённая и тяжело дышавшая, его уже в квартире не было.

Раннее утро. Ещё недавно начался рассвет. В форточки на кухне, забытые закрыть отцом, лез холодный-холодный воздух. Холод уже заполнил коридор. Но сердце билось так быстро-быстро. И щёки, кажется, горели. Ох, до чего же холодно! Надо закрыть форточки!

Кинулась на кухню. Но рука моя до форточки не дотянулась. Взгляд соскользнул вниз, на деревья. На дорогу, идущую сбоку от дома. Там, где среди ещё тускло горевших фонарей шёл... да, он шёл там. И... улыбаясь... вполне счастливо улыбаясь.

Сердце у меня быстро-быстро забилося.

Ки Ра вдруг остановился. Поднял голову и посмотрел выше. Увидел моё лицо в окне. Наши взгляды встретились. Он улыбнулся мне. Я улыбнулась ему. Он ушёл. Так странно всё случилось. Так всё закончилось.

Хлопнула дверь комнаты родителей. Или бабушки с дедушкой.

Я торопливо метнулась в ванную, своё лицо от них прятать. Форточки так и остались не закрытыми.

Почему-то стеснялась им показаться. А вдруг они поймут?... Да, нет, могли и заподозрить что-то.

Да и холодная вода бодрит мысли. Должна взбодрить мой мозг лучше морозного воздуха. Только почему-то холодная вода будила воспоминания. О первых поцелуях. О первых ласках... нежных и сладких... о руках нелюбимого, ласкающих моё тело... Но... ласки нелюбимого тоже могут быть сладкими?.. Или... всё же... Всё же?..

– Саша! – крикнула мама у двери вдруг, нарушив моё хрупкое уединение в объятиях воспоминаний.

– Ась? – робко отозвалась я, чуть погодя.

Она всё поняла?..

– У тебя мобильник звонит. Долго уже.

– При... – начала я, но вспомнила о смятом одеяле и почти сползшей на пол мятой простыне. И... там, наверное, и кровь моя. Первая. И торопливо сказала: – Приду сама! Счас, домоюсь!

– Как скажешь, – почему-то согласилась она.

И я постаралась поскорее ополоснуть голову. Голову, которая всё ещё плохо соображала. И быстро вытиралась, небрежно. И полумокрая убежала в комнату. Мама, к счастью, возилась на кухне.

– Он ушёл? – только спросила она.

– Да, – ответила я уже из коридора, радуясь, что надо бежать в другую сторону от неё.

А потом я чего-то совру.

Даа, в комнате на диване был страшный бардак. И... и пятна крови на простыне и одеяле.

И... и мобильник трещал с секретера. Блин, кто в такую рань?

На экране высветилось это имя, так внезапно вторгшееся в мою жизнь.

Дрожащими руками мобильник взяла, нажала приём.

– Выйди, – волнуясь, сказал парень. – Выйди сейчас. Поговорить надо.

И отключился сразу.

Дрожащими руками выхватила первую попавшуюся кофту, старые штаны. Брюки. А, плевать. Он просил скорее. Ох, лифчик забыла. И футболку. И, уже бросаясь к двери, уже схватившись за ручку, вспомнила, что забыла одеть носки. Высушить волосы. И постель. Ох, постель!

Дрожащими руками застелила всё. Одеяло сверху, всё заботливо пригладила, краснея от смущенья. Или мама додумается заглянуть под одеяло?.. Блин, я же уйду, но дверь снаружи запереть не могу. Эх... ну... ну, если она полезет проверять, то, надеюсь, ничего потом не скажет мне?.. Иначе я умру, поняв, что она всё поняла! Но, впрочем, он ждёт!

– Саша, куртку! – прокричала мама, когда я уже сбегала по лестнице. – Ты забыла куртку!

Но я не хотела возвращаться и видеть её лицо. Не сейчас. Вроде всё нормально. Всё как у всех. У всех рано или поздно это происходит, но... почему же я смущаюсь?..

Ки Ра поджидал меня за боком другого дома, так, что из парадной моего его было не заметить. И, увидев меня, повернулся и медленно пошёл дальше, за соседний дом заходя. И я робко пошла за ним. Зайдя за другой дом, кореец остановился. Обернулся. И я остановилась. Он вернулся ко мне и, осторожно за руку взяв, утащил за деревья. Это было странное ощущение, когда наши пальцы сплелись, и сердце напугано бьётся. Бьётся быстро-быстро. И дыхание перехватывает. Как и ночью, когда он ласкал меня.

Но он быстро остановился, руку мою отпустил. Повернулся ко мне.

– Голова мокрый, – укоризненно сказал мой парень, посмотрев на мои мокрые волосы. – Заболеешь.

– Ничего, – сказала я, смущённо теребя волосы. Хотя утро было морозное. Да ещё и с мокрой головой.

Ки Ра расстегнул рюкзак. Дал мне банку с минеральной, не открытую. Растерянно приняла. Он достал пачку таблеток. Достал одну, протянул мне.

– Это... это что?..

– Я не хочу, чтобы у меня был ребёнок, – сказал мой первый мужчина серьёзно.

И от этих слов мне почему-то стало страшно неприятно. Он же... он же сказал, что ему понравилось со мной! Он был такой нежный ночью! Такой... но... он не хочет, чтобы нас связывало что-то большее?

– Съешь, – требовательно сказал кореец, – я надеяться, что ещё не поздно. Хотя несколько час прошло.

И с запозданием поняла, что он мне даёт: противозачаточные таблетки.

– Съешь, – повторил парень, поднимая мою свободную руку и вкладывая в неё таблетку.

Пачку всю запихнул в мой карман. – И ешь до. Там инструкция.

Шумно выдохнув, отвернулся. Сказал, зябко растирая плечи:

– Я больной. Я не хочу, чтобы мой ребёнок был больной.

– Но...

Ки Ра мрачно взглянул на меня:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.